

www.dontsova.ru

Дарья Донцова

Мриданое ЛОХМАТОЙ ОБЕЗЬЯНЫ

В мире преступных страстей
Виола Тараканова

**КРУТИТЕ,
КАК ХОТИТЕ!**

Детektivом,
героями,
сюжетом!
Подробности
игры —
в книге!

Виола Тараканова. В мире преступных страстей

Дарья Донцова

Приданое лохматой обезьяны

«ЭКСМО»

2010

Донцова Д. А.

Приданое лохматой обезьяны / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2010 — (Виола Тараканова. В мире преступных страстей)

Я, Виола Тараканова, никогда не проверяю карманы своего бойфренда Юры Шумакова, не залезаю в телефон и не интересуюсь прошлым любимого мужчины. Его бывшая герлфренд сама нарисовалась на пороге моего дома! Насмерть перепуганная Оля Коврова рассказала: шефа и бухгалтера фабрики мягких игрушек «Лохматая обезьяна», где она служит секретаршей, отравили, и теперь ее обвинят в убийстве, ведь чай подавала именно Оля! Пришлось нам с Юрой разбираться в этой истории. Отправившись домой к отравленной бухгалтерше, я узнала, что ее сын Никита тоже мертв. А вскоре была убита и девушка Никиты... Похоже, преступление вовсе не связано с плюшевыми зайцами, свиньями и лохматыми обезьянами!

© Донцова Д. А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дарья Донцова

Приданое лохматой обезьяны

Глава 1

Если любимый неожиданно отключил мобильный и не отвечает на ваши настойчивые звонки, не волнуйтесь. Не допытывайтесь, где и с кем он провел целый день, не реагируя на звонки, потому что, если в конце концов вы все узнаете, можете разволноваться еще больше.

Я посмотрела на часы. Так, уже вечер, а от Юры ничего. Похоже, он не только забыл, что мы собирались пойти в кино, но и начисто выбросил из головы Виолу Тараканову, ни разу не звякнул ей.

Вот только, пожалуйста, не надо считать меня истеричной особой с замашками домашнего тирана! Я не принадлежу к категории женщин, которые встречают припозднившегося мужа на пороге со скалкой в руке и с нежным вопросом на устах: «Где шлялся, скотина?!» Я никогда не роюсь по карманам Юры, не читаю смс-сообщения в его сотовом, не лезу в электронную почту. Кое-кому я могу показаться равнодушной: почему бы не выяснить, где и с кем провел время муж?

Ну, для начала, мы с Юрой Шумаковым не женаты, а просто живем вместе в моей новой квартире.

Многие женщины, гордо вскинув голову, говорят: «Штамп в паспорте ничего не меняет! У нас гражданский брак, я не хочу оформлять отношения, это пустая формальность». Уж простите, но я не верю подобным заявлениям. Их делают те, чей партнер, несмотря на долгую совместную жизнь, так и не произнес заветных слов: «Дорогая, выходи за меня замуж». Если мужчина любит женщину, он по-настоящему живо поведет свою избранницу под венец.

Можете смеяться сколько угодно, но процедура росписи здорово дисциплинирует большинство парней, они сразу понимают, что вот теперь они настоящие мужья, и становятся главой семьи. Если ваш любовник после пары лет самого тесного общения так и не подарил вам обручальное кольцо, то сомневаюсь, что это украшение вообще появится на вашей руке. А уж если вы родили ему ребенка и все равно остались безмужней, то вам следует оставить все надежды на брак. Я не хочу сказать, что брак по залету хорошая вещь, но когда вам поют песню: «Ну какая тебе разница? Зачем нам штамп? Я признаю малыша и без оформления отношений», – это означает лишь одно: ваш Ромео боится брать на себя ответственность, ему гораздо комфортнее ощущать себя свободной птицей.

Многие представительницы слабого пола отчего-то стесняются своего желания иметь законного мужа. Они теряются, услышав от милого друга заявление о неминуемой гибели любви под печатью загса, и смущенно говорят: «Ну конечно, я абсолютно счастлива, мне не нужна встреча с теткой, которая торжественно произнесет: «Объявляю вас мужем и женой!» Ваш друг шумно выдохнет и возрадуется: его свободе ничто не угрожает, он не связан по рукам и ногам и в любой момент может уйти. Но на самом-то деле каждой из нас хочется признаний в любви, цветов и, конечно, белого платья, праздника, подарков. Просто одни честно озвучивают желание стать законной супругой, а другие изображают равнодушие. Вот только чем чаще они повторяют: «Счастье не зависит от штампа в паспорте!» – тем меньше я им верю.

Мне Юрий Шумаков пока не сделал предложения, поэтому я не считаю себя его женой. Я любовница, или герлфренд. Вот уж несуразное слово, которое в переводе обозначает: женщина-друг. Тут же вспоминается поговорка: «Собака – лучший друг человека», – и напрашиваются соответствующие ассоциации.

Ладно, вернусь к карманам Шумакова и его мобильнику. Я не проявляю любопытства не потому, что мы не расписаны. Если в понедельник в моем паспорте появится отметка из загса, я не стану во вторник, среду и последующие дни недели обнюхивать мужа и осматривать его пиджак в поисках чужих волос. Мне такое поведение кажется смешным и глупым. Ну, найду я в телефоне сообщение вроде: «Дорогой, вспоминаю нашу встречу и дрожу от счастья. Твоя Маша». И что? Что делать с этой информацией? Сунуть трубку под нос изменнику и грозно спросить: «Ты ходишь налево?» А вдруг я услышу: «Да. Прости, дорогая, я запутался, никак не пойму, кого больше люблю, тебя или Машу»? И опять же – дальше что? Куда деваться, узнав неприглядную правду?

Я вздохнула и встала с дивана. Пойду выпью кофе. На улице дождит сентябрь, вот на меня и напала хандра. Вместо того чтобы философствовать на пустом месте, лучше заняться работой. Срок сдачи рукописи в издательство давно прошел, редактор Олеся оборвала все телефоны Арины Виоловой (под этим псевдонимом я, Виола Тараканова, известна как писательница), но мне не пишется, концы с концами не сходятся, отсюда и плохое настроение. Я вполне довольна нашими отношениями с Юрой, и то, что он пока не сделал предложение, меня вполне устраивает. Один раз я уже побывала замужем и не хочу повторения печального опыта.

Я включила кофемашину и уставилась на тоненькую струйку коричневой жидкости, льющуюся в чашку.

Шумаков сотрудник МВД, занимается нелегкой, подчас опасной работой, его могут в любое время суток вызвать на службу, и Юра не всегда имеет возможность позвонить домой. Но он в курсе моих личностных особенностей. Я самозаводящаяся система, мне в голову частенько лезут глупые мысли. Все начинается со взгляда на часы и вздоха: уже вечер, а Юры нет. Бедняжка, он так много работает, наверное, у него сегодня трудный день. Шумакова вызвали «на труп», он осматривает место преступления, а там возможны неожиданности: в шкафу спрятался бандит, он достает пистолет и... Когда около полуночи живой и невредимый Шумаков вваливается в квартиру и начинает наглаживать котопса¹, ко мне уже можно вызывать бригаду реанимации.

Сначала Юра посмеивался надо мной, потом стал сердиться и сказал:

– Давай договоримся. Если ты в течение дня получаешь от меня пустые смс-сообщения, то это значит, что я жив, здоров и невредим, просто у меня нет времени на досужие разговоры.

И теперь, взглянув на мобильный, я слегка успокаиваюсь.

Но сегодня ни одного сообщения с одиннадцати утра не было. Сотовый Юры молчит, к рабочему телефону он не подходит, подкрадывается ночь, и котопес давно дежурит у двери.

Странное животное, похожее одновременно на кота и собаку, я привезла из Греции. Котопес существо апатичное, его любимое занятие сон. Еще он обожает поесть и совершенно мне не мешает – не пристает, не лезет с ласками, не требует, чтобы я бросала ему мячик или трясла перед его мордой метелкой из птичьих перьев, безропотно пользуется туалетом, не капризничает и выглядит здоровым. Идеальное домашнее животное, больше смахивающее на ожившего плюшевого зайку. Но вот странность: меня, хозяйку, которая его кормит, котопес воспринимает индифферентно. Сижу я дома – хорошо, ушла – еще лучше. А Юру он несется встречать со всех четырех лап. Более того, ближе к вечеру котопес принимается слоняться в прихожей и не покидает ее до тех пор, пока Шумаков не войдет в дверь. Нелегальный эмигрант из Греции явно любит Шумакова, а ко мне, похоже, не испытывает даже намека на нежность.

Резкий звонок мобильного заставил меня вздрогнуть. Я схватила телефон и, не взглянув на дисплей, воскликнула:

– Юрасик!

¹ История появления котопса у Виолы Таракановой рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Муму с аквалангом», издательство «Эксмо».

Но из трубки ответил звонкий женский голос:

– Вас беспокоят из шоу Андрея Балахова. Можно Арину Виолову? Говорит редактор по гостям.

Я уже несколько раз бывала участницей популярной передачи и сразу вспомнила милую рыжеволосую девушку с пирсингом в носу, кучей колечек в ушах и гроздьями браслетов на руках. Редактора по гостям зовут Полей, она очень приятная. Однажды у нас с ней приключилась смешная история – мы одновременно сломали каблучки у туфель.

– Полиночка! – обрадовалась я. – Как дела?

– Извините, – откликнулась звонившая, – но Полина уволилась. Года два назад или меньше, не помню.

– Жаль, – расстроилась я.

Договорившись с редактором о съемке, я отложила телефон и решила еще разочек выпить кофе. И тут опять раздалась мелодичная трель. На сей раз кто-то звонил в дверь.

Я поспешила в прихожую и по дороге столкнулась с котопсом, который почему-то не стал встречать Юру, а шмыгнул в гостиную.

Как всегда, не посмотрев на экран домофона, я крикнула:

– Опять ключи забыл? Ну, кто из нас Маша-растеряша? – И распахнула дверь.

На пороге стояла симпатичная молодая женщина – шатенка с карими глазами и стройной фигурой. Вероятно, незнакомке было лет тридцать, от нее пахло духами, на плечах кожаная косуха, на ногах джинсы и изящные ботильоны.

За моей спиной раздалось странное шипение, я обернулась. Котопес высовывался из-за угла и, недвусмысленно подняв верхнюю губу, скалил мелкие неровные зубы и фыркал. Не знаю, что меня больше удивило – появление женщины или впервые продемонстрированная агрессия котопса.

– Ты Виола Тараканова? – забыв поздороваться, спросила незнакомка. – Привет!

Она протянула мне коробочку шоколадного «Ассорти» и добавила:

– Это к чаю.

– Добрый вечер, – осторожно ответила я, пытаясь сообразить, кто она такая, эта неизвестная мне визитерша.

Я не горю желанием заводить близкие отношения со всеми соседями, успела познакомиться лишь с немногими, да и то случайно. Может, дама в джинсах живет на третьем-пятом этаже и хочет одолжить соль? Хотя нет, ради такого случая не наденут кожаную куртку. Или это фанатка писательницы Арины Виоловой? Тоже маловероятно: я не эстрадная певица, у меня нет сумасшедших поклонников, способных без приглашения ввалиться в мой дом.

– Не узнала? – открыто улыбнулась незнакомка. – Я Оля Коврова. Ну,пустишь меня или начнешь ногтями щеки от ревности царапать?

– Кому? – заморгала я. – Тебе или себе? И кого мне ревновать?

– Юрку, – отрубила Ольга.

Я постаралась сохранить нейтрально-вежливое выражение лица.

– Шумакова?

– Его самого, – кивнула Коврова. – Не бойся! Все прошло и быльем поросло.

Котопес зафыркал еще громче. Я была безгранично благодарна зверушке, которая пыталась напугать нахалку, и решила притвориться душой:

– Что поросло быльем?

– Да ладно тебе! – махнула изящной ручкой нежданная гостья. – Небось давно мою фотку нашла и глаза мне выколола. Не ревнуй. Наши отношения с Шумаковым остались в прошлом. Я от него ушла, потому что жить с ментом невозможно. Мне нужен настоящий муж, а не виртуальный. Юра долго дергался, звонил мне, потом перестал. Я окольными путями выяснила:

мой бывший бойфренд живет сейчас с Виолой Таракановой, она же писательница Арина Виолова, и обрадовалась, что у него все хорошо.

– Ага, – растерянно кивнула я. – А зачем ты приехала на ночь глядя? Хотела убедиться в семейном счастье прежнего любовника?

– Он на тебе женился? – поразилась Оля. – Вы расписались в загсе?

Ну, а теперь признайтесь, кто из вас, очутившись в подобной идиотской ситуации, ответит «нет»? Я даже не успела продумать, что сказать, как мой рот сам открылся и я ляпнула:

– Да, конечно, мы сыграли свадьбу. А ты как думала?

– Ну надо же! – восхитилась Ольга. – Помнится, как-то я подслушала Юркин разговор с его теткой Варварой... ну, ты ее знаешь, раз вы свадьбу устраивали.

– М-м-м, – промычала я, не имевшая понятия, что у Шумакова есть тетя по имени Варвара.

– Так вот он ей сказал: «Варя, бабы, с которой я захочу жить до старости, никогда не будет». Я тогда поняла, что Юрка – дохлый вариант. И слиняла. А ты молодец! Че, забеременела, да? Когда прибавления ждете?

Я спокойно выслушала ее и ответила:

– Извини, я очень занята. Была рада познакомиться. Как-нибудь в другой раз поболтаем.

Коврова вцепилась в косяк:

– Вечно я глупости говорю и с людьми отношения порчу... Не сердись!

Я пожала плечами:

– Мне и в голову не придет злиться на постороннего человека.

– Мы же с тобой почти родственницы, – возразила Оля. – Спали с одним мужиком!

Я не нашлась, что ответить, а Коврова тарахтела:

– Пойми, у меня никого нет, ни мамы, ни сестры, а подруги – стервы. Остались только Юрка и ты. Беда у меня, я от милиции сбежала! Небось менты уже ищут! Домой не могу пойти. Впусти, пожалуйста, мне больше нигде спрятаться. Юрка единственный близкий и родной человек. Ой, как все плохо!

Гостья закрыла лицо руками и неожиданно горько заплакала. Я посторонилась.

– Входи, снимай туфли. Ванная справа, полотенце для гостей розовое, голубые не бери, они наши. Умывайся и проходи на кухню.

Через четверть часа, когда Оля со спокойным видом приняла из моих рук чашку, я спросила:

– Что ты сделала? Украла в магазине шмотку?

– Начальника своего отравила, – поежилась Коврова. – Насмерть! И еще бухгалтера. В общем два покойника.

Из моих рук выпала вазочка, курабье разлетелось по полу. Ольга вскочила и бросилась подбирать печенье, одновременно она частила:

– Ты не так все поняла. Ой, я дура, нормально объяснить ситуацию не могу. Никого я не травила! Это менты так решить должны! Они непременно меня заподозрят!

Я плюхнулась на стул и приказала:

– Немедленно внятно и членораздельно изложи события.

Коврова высыпала останки печенья в помойное ведро и ввела меня в курс дела.

Оля работает секретарем у директора фабрики игрушек Николая Ефимовича Ускова. Когда она два года назад пришла наниматься на службу, производство представляло собой мастерскую, где несколько женщин шили уродцев из ткани. Почему Усков решил производить плюшевых мишек, собачек и зайчиков, Ольга понятия не имела. Не знала она и того, чем занимался Николай Ефимович раньше. Сама она пыталась пробиться в фэшн-бизнес, хотела стать манекенщицей, но не прошла ни по росту, ни по внешности. Поняв, что звезды подиума из нее не получится, Коврова решила стать модельером, однако у нее снова ничего не вышло, хотя

девушка окончила училище, получив диплом швеи. Несколько лет Ольга переходила из одного ателье в другое, нигде подолгу не задерживаясь. Мало иметь желание конструировать одежду, очевидно, еще необходим и талант, а добрый ангел явно не поцеловал Олечку при рождении. В конце концов Коврова сдалась. Работать на чужого дядю, сидеть за машинкой и строчить за маленький оклад бесчисленные блузки ей не хотелось, и Ольга задумала кардинально изменить свою судьбу. Она выбрала карьеру секретаря, но не желала молча приносить на подносе чай-кофе и исчезать, аки тень. Нет, Ольге хотелось стать правой рукой босса, незаменимым человеком, таким серым кардиналом. Ну и, конечно, мысли о фэшн-бизнесе не покидали темно-волосую голову красавицы. Оля начала обивать пороги гламурных изданий. И о чудо! Фортуна наконец-то улыбнулась Ковровой: ее взяли секретарем в одно из самых значимых на российском рынке изданий, пишущих о моде. Девушка потеряла руки и начала активно о себе заявлять.

Когда она первый раз без приглашения вмешалась в совещание журналистов и высказала свое мнение: «А по-моему, для съемки на обложку модель лучше одеть не в серое платье, а в джемпер», – присутствующие сделали вид, что не услышали ее замечания. Но на второе выступление Ольги главный редактор отреагировала жестко: уволила ее, благо секретарша еще находилась на испытательном сроке.

Любой другой человек учел бы свою ошибку и постарался не повторить ее, но Коврова, пристроившись в следующий «глянец», рангом пониже, снова принялась высказывать свое мнение, когда его никто не спрашивал. В результате трудовая книжка девушки пестрела фразой «уволена по собственному желанию», и больше ее ни в один журнал на собеседование не приглашали. Потенциальных работодателей пугал тот факт, что Коврова больше двух месяцев нигде не задерживалась.

Год Оля просидела без работы. В конце концов, чтобы не умереть с голода, она, забыв все свои амбиции, порылась на сайтах и нашла объявление: «Требуется швея с опытом. Пошив игрушек».

Поплакав от унижения, Ольга напудрила нос и отправилась по указанному адресу. Ей позарез нужны были деньги, и она соглашалась бы мастерить даже плюшевых крокодилов.

Глава 2

Предприятие размещалось в двух комнатухах в большом офисном здании. Не успела Оля расстроиться, что фабрика «Лохматая обезьяна» похожа на контору «Рога и копыта», как получила новый повод для печали.

– Все ставки уже заняты, – смущенно заявил директор, лысый толстяк, сильно смахивающий на медвежонка Винни-Пуха, – уж извините.

– Но я к вам ехала через весь город! – возмутилась Оля. – Увидела объявление в Интернете. Почему вы не удалили с сайта запись о вакансии?

Директор выпалила:

– Это моя вина! Замотался и не успел. Вы в другой раз предварительно созванивайтесь. Коврова возмутилась.

– Я договаривалась о встрече!

– С кем? – удивился владелец конторы.

– С вашей секретаршей, – гордо подняв голову, произнесла Оля. – Та велела мне явиться в понедельник к полудню. Сказала: «Николай Ефимович будет на месте, с ним и поговорите».

– У меня нет помощницы, бюджет не позволяет ее нанять, – признался Усков. – Наверное, вы ошиблись номером. Над вами пошутили.

Ольге стало себя жаль. Вот до чего ее жизнь довела – даже в артель по пошиву плюшевых уродцев и то не берут! Она попыталась справиться с накатившим отчаянием. А Николай Ефимович участливо произнес:

– Не переживайте, вам еще повезет. Все будет хорошо.

Теплые слова неожиданно подействовали хуже ругани, Оля всхлипнула и зарыдала.

Усков переполошился, предложил посетительнице воду из графина, вытащил из недр стола побелевшие от старости конфеты и окаменевшее печенье, включил чайник. Но Ольга никак не могла успокоиться. В конце концов директор, вспотевший и красный, вдруг сказал:

– Все-таки, пожалуй, я могу взять секретаршу. Оклад будет невелик, но я оплачиваю бюллетень, отпуск и даю премию по итогам года. Коллектив у нас душевный, мы тут как одна семья.

Ольге внезапно стало смешно.

– Предлагаете мне место секретаря?

– Да, – храбро ответил Николай Ефимович. – Можете приниматься за работу. Только сначала нужно съездить в магазин и купить вам стул и стол. Моментик...

Усков порывлся в карманах, достал портмоне, отсчитал купюры и протянул их Ковровой со словами:

– Прямо сейчас отправляйтесь. И поторопитесь, попросите, чтобы мебель доставили к вечеру.

– Дайте лист бумаги, – потребовала Оля.

– Зачем? – удивился Усков.

– Напишу расписку на выданную сумму, – пояснила она.

Николай Ефимович замахал руками:

– Ангел мой, я вам верю! Промокните глаза и действуйте.

Самое смешное было в том, что в шарашкиной конторе, где шили косорылых кошечек и прочих зверушек, Ковровой удалось целиком и полностью удовлетворить свои амбиции. Через месяц Николай Ефимович и шагу не мог ступить без новой помощницы.

Оле сразу стало ясно: Усков только внешне похож на Винни-Пуха, у него нет ни грамма хитрости, присущих этому персонажу. Усков по характеру скорее поросенок Пятачок, наивный и по-детски восторженный. Сказать кому-нибудь «нет» Николай Ефимович был неспособен,

поэтому сотрудницы вертели им, как хотели, а магазины, куда глава фирмы сдавал продукцию, забирали кроликов-ежиков-обезьян по демпинговым ценам.

Сначала Оля приуныла, решив, что скоро контора лопнет и ей придется искать другую работу. Потом ей неожиданно стало жаль шефа. Николай Ефимович очень расстраивался из-за бизнеса, постоянно глотал валидол и спрашивал:

– Ну почему у меня так плохо идут дела?

Коврова, давшая себе слово молчать и ни во что не вмешиваться, держала язык за зубами, повторяя про себя, словно мантру: «Мое дело получать жалкие копейки и искать хорошее место работы. Фабрика для меня лишь временный аэродром».

Через месяц запас буддистского оптимизма иссяк, и она спросила Ускова:

– Неужели вы не видите, что вас обворовывают и в грош не ставят?

– Кто? – опешил Николай Ефимович.

– Все! – жестко заявила Оля. – Тетки-швеи, жабы в торговом центре и распрекрасный бухгалтер Виктор.

– Это невозможно! – замахал руками Усков. – С Витюшей мы с детства соседи по даче. Разве он станет близкому человеку вредить? Мотористок я сам нанимал, с каждой побеседовал. Хорошие женщины, семейные, с детьми. Ни пьяниц, ни, упаси боже, наркоманок среди них нет. Что касемо закупщиков, то я с ними не первый год работаю, как-то неудобно заявить старым знакомым: «Теперь берите партию лохматых обезьян на десять процентов дороже». Согласись, это не по-товарищески.

Коврова с жалостью посмотрела на Николая Ефимовича. За время скитаний по модным журналам она усвоила простую истину: дружба дружбой, а прибыль врозь. Трудно отыскать человека, менее подходящего на роль хозяина фабрики, пусть даже такой крохотной, как мастерская по пошиву зверей, чем Николай Ефимович. Странно, что, пережив перестройку, лихие девяностые и разбойничьи нулевые годы, Усков сохранил веру в людей и доброту.

– Что-то вы плохо выглядите... – пробормотала Оля, растерявшись от такой наивности, – весь бледный, прямо синий.

– Язва шалит, – пояснил Николай Ефимович. И вдруг потерял сознание.

Коврова отвезла директора в больницу, пообещала ему приглядеть за производством и развила бурную деятельность.

Через две недели Николай Ефимович вернулся на предприятие и был сконфужен переменами. Во-первых, Оля уволила его дачного соседа Виктора. Вместо него теперь работала Антонина Михайловна Кириллова.

– Боже мой, – залепетал Усков, оттягивая узел галстука, – но как же... Витя... он... Как я ему в глаза посмотрю?

– Это ему вам на глаза нельзя показываться! – отрезала Антонина Михайловна, шлепая перед Усковым на стол гору папок. – Сейчас объясню механику мошенничества вашего приятеля...

Не успел Николай Ефимович осознать, что милый соседусшка нагло запускал руку в его карман и имел от этого неплохой барыш, как позвонила еще одна его знакомая, хозяйка детского магазина «Зайка», и заворковала:

– Коля, я согласна. Теперь берем ассортимент за номером сто пятьдесят по триста рублей. Надеюсь, ты на нас зла не удержишь. О'кей?

– О'кей, – в полуобморочном состоянии прошептал Усков, который до сих пор получал от «Зайки» по восемьдесят целковых за набор «Семья мишек», проходивший под номером «150».

Проглотив сообщение директрисы, Усков удивленно посмотрел на Олю. А та заявила:

– Сволочь она, эта «зайкина» владелица. Я не поленилась к ней в торговый зал наведаться. «Семью мишек» отпускают покупателям по 700 рублей. Это как?

– Уф... – выдохнул Николай Ефимович. – Не может быть! Ты не ошиблась? Катенька постоянно твердила: «Мишутки плохо идут, приходится их удешевлять, сейчас выставила набор за девяносто рубликов. Моего навар мизер».

Бухгалтер Кириллова подняла на лоб очки:

– Последнее дело верить людям на слово. Все лгут! Пересмотрите свои жизненные позиции.

Николай Ефимович растерялся, сказать на это ему было нечего. И следующую новость о том, что все швеи уволены, а на их место взяли студентов, желающих подработать, перенес стоически.

Когда Антонина Михайловна, новый бухгалтер, удалилась, Николай Ефимович сказал Оле:

– Наверное, она права, мне следует измениться. Но, боюсь, у меня это не получится!

– Ничего, – утешила шефа Оля, – я не дам вас в обиду.

Прошло два года. Фабрика Ускова стала прибыльным предприятием и из дешевого офисного здания переехала в более приличное место. Количество швей увеличилось, но они теперь получали не фиксированный оклад, а работали на сдельной оплате.

Оля вертелась, как белка в колесе. Договорилась с производителем из города Шалово о поставке дешевой ткани. Фурнитуру для игрушек клепали инвалиды, которым лишняя копейка была в радость. Набивочный материал Оля разыскала в Псковской области, там синтепон отдавали по бросовой цене. Расходы на производство игрушек упали, а поставлять в магазин их стали дороже.

Дальше – больше. Оля договорилась с кинотеатрами. Она заранее узнавала, когда на экраны выйдет новый мультфильм, и в спешном порядке на фабрике изготавливалась партия игрушек в виде главных героев фильма и сдавалась администрации кинозалов. Расчет Ковровой был гениально прост. Любой ребенок, уходя домой, захочет получить игрушку, повторяющую персонажа только что просмотренной сказки. В плюсе оказывались все. Родители отстегивали не очень обременительную сумму, Ускову плыла прибыль, владельцы кинотеатров получали свой навар.

Год назад Николай Ефимович сделал Коврову совладелицей фабрики, и Олечка стала трудиться с утроенной энергией.

Это, так сказать, присказка. А вот и сказка.

Сегодня с утра день начался необычно. Едва Ольга пришла на работу, как в кабинет к Ускову, не поздоровавшись с секретарем, пробежала потная, растрепанная, в мятом платье бухгалтер Антонина Михайловна. Коврова удивилась.

У Кирилловой есть сын Никита, настоящее материнское горе. Юноша безобразничает, пару раз его задерживала милиция. Никита курит, пьет, не желает учиться в медицинском колледже и хамит матери. Кириллова отличный специалист, такого возьмут в любое место, но Антонина Михайловна устроилась к Ускову. Почему она выбрала скромное предприятие, имея возможность возглавить отдел в крупной фирме? Ответ прост: за большой оклад потребуют двадцать пять часов в сутки сидеть на службе – у владельцев финансово успешных предприятий свой отсчет времени. А еще руководители таковых полагают, что за пятницу следует понедельник, понедельник и снова понедельник. Суббота с воскресеньем в графике не предусмотрены.

До перехода на фабрику «Лохматая обезьяна» Кириллова работала как раз в таком месте. За сыном ей не удавалось приглядывать, и в конце концов Антонина сообразила: она потеряет парня, тот станет алкоголиком, не ровен час потянется к наркотикам, свяжется с дурной компанией. Бухгалтер перешла на фабрику игрушек и ровно в шесть, что бы ни случилось, убегает со службы. Живет Антонина в двух шагах от офиса, за Никитой она теперь глядит во все глаза.

И надо признать: он стал потихоньку исправляться – учится и даже делает домашние задания. Но Кириллова не теряет бдительности.

Атонина тщательно следит за собой, до сегодняшнего дня Оля всегда видела ее аккуратно причесанной, в отглаженной одежде. А сейчас у дамы был такой вид, словно она спала в офисе. Кириллова просидела в кабинете шефа полчаса, потом выскочила и крикнула: «Ровно час, только час! Вернусь через час, и будь что будет!»

Оля еще больше удивилась. Что произошло со всегда тихой, спокойной Кирилловой? Может, ошибка в финансовых документах? Но долго размышлять ей на эту тему не пришлось, из кабинета выглянул Усков.

– Меня не беспокоить ни по каким вопросам! – приказал он. – У нас есть лимон?

– Нет, – ответила Оля.

– Сбегай купи, – велел начальник, – я жду посетителя. Надо будет чай заварить. Очень крепкий. Очень-очень! Принесешь лимон, ко мне не лезь. Сиди в приемной, а клиента, мужчину,пусти.

Ольге просьба про крепкий чай не показалась странной. Усков всегда пил с клиентами почти чифир, напиток, по цвету напоминающий нефть. А в одиночестве хлебал жиденькую заварку. Почему он так поступал, Оля не знала, да ее это и не особенно волновало. Некоторые любят селедку с вареньем, другие закусывают молоко соленым огурчиком. У Ускова имелась и другая причуда: на работу он всегда приезжал со спортивной сумкой, то есть носил здоровенную торбу, а не портфель. Что он там хранил, помощница не интересовалась.

Оля сгоняла за лимоном и через пару минут после возвращения увидела посетителя – усатого, бородатого, с буйными кудрями мужчину в очках с затемненными стеклами. Ковровой стало смешно – дядька походил на пуделя. Он противным писклявым голосом произнес:

– Я к Ускову.

Затем распахнул первую дверь в кабинет директора, громко постучал по второй, пропищал:

– Здравствуйте... – и, судя по скрипу, открыл вторую створку.

– Заходите! – крикнул Усков, и стало тихо.

Еще через минуту Николай Ефимович вышел в приемную, взял у Ольги поднос с «чифирем» и исчез в кабинете. Спустя мгновение появилась Кириллова, которая так и не удосужилась причесаться. Антонина Михайловна молча юркнула к Ускову. В ту же секунду начальник позвонил секретарше с приказом: «Сбегай, краса ненаглядная, купи нам пиццу и сразу подавай в кабинет. Мы хотим перекусить».

Оля поспешила исполнить поручение. Ресторанчик, где обедали сотрудники, находится близко. Секретарша взяла «Маргариту», вернулась и, как было велено, вошла в кабинет.

Перед глазами предстало ужасное зрелище.

Антонина Михайловна лежала на полу, свернувшись клубочком. Ее глаза остекленели, из приоткрытого рта вытекла пена. Николай Ефимович полулежал в своем кресле, запрокинув голову, лицо исказила судорога. Даже абсолютно далекому от медицины человеку стало бы понятно: Усков и бухгалтер скончались. А посетитель, чье имя Ольге осталось неизвестным – тот самый усатый, бородатый, кудрявый «пудель», – исчез.

Коврова попятилась к двери. В первый момент ей захотелось заорать и убежать прочь. Но потом она сообразила: на столе одна полная и одна пустая чашка. Присутствующие отравились чаем. Почему Ольга заподозрила именно отравление? Внезапная кончина может иметь множество причин, обыватель скорее уж подумает про инфаркт с инсультом. Вот только какова вероятность, что сердечный или мозговой удар произойдет одновременно у двоих людей, выпивших чай?

Оля пришла в ужас. Кто заваривал чай? Кто отдал поднос в руки Ускова? Кто, в конце концов, гонял за лимоном? На все вопросы был один ответ: Коврова. И как поступят менты, увидев натюрморт с чайником? У Оли не возникло сомнений: ее арестуют, а затем посадят.

Одурев от страха, секретарша решила действовать. На трясущихся ногах она забежала по кабинету, собрала посуду, тщательно протерла столик, отнесла чашки на кухню, вымыла их и спрятала в шкаф. Потом взяла полотенце и тщательно протерла в кабинете Ускова все поверхности: столешницу, ручку двери, телефон, стену у входа...

– Зачем? – не выдержала я, прервав ее рассказ.

Оля захлопала длинными ресницами:

– Ты же пишешь детективы! Про отпечатки пальцев слышала? Я решила представить дело так: меня сегодня в офисе вообще не было!

Я попыталась вразумить Коврову:

– Очень глупый поступок. Криминалистов всегда настораживает отсутствие отпечатков.

Ольга искренне удивилась:

– Почему?

Я встала и включила кофемашину.

– Да потому что ты служишь на фирме, часто заходишь к начальнику, в его кабинете просто обязаны остаться твои «пальчики». Если следов нет, значит, их специально уничтожили. И кто, а?

– Убийца, – тихо сказала Оля. – Вошел, напоил всех отравой и скрылся. Я абсолютно ни при чем.

– А кто вымыл посуду? – напомнила я. – Следователь сразу поймет: дело нечисто.

– Уж не дура! – приосанилась Оля. – Я коньяк с бокалами оставила. Всем будет ясно – их убил алкоголь. Пусть так подумают! Вот.

Я не сдержала эмоций:

– Нет, ты точно дура. Вдруг они на самом деле умерли от коньяка? Почему ты решила, что яд в чае?

Коврова стукнула ладонью по подлокотнику кресла.

– Усков любит народ алкоголем угощать, и никогда проблем не было. И гостям наливал, и сотрудникам предлагал по чуть-чуть, граммов по сорок. Скажу ментам, что меня вообще сегодня на работе не было. Заболела и осталась дома!

– У фабрики свое здание? – спросила я.

Она вздохнула.

– Нет, столько денег мы еще не заработали, арендуем офисное помещение в большом бизнес-центре.

Я мрачно посмотрела на бывшую любовницу Шумакова.

– Там, наверное, есть охрана, камеры?

– У главного входа стоят парни в форме, – согласилась Оля. – Из-за них арендная плата выше.

У меня заболела голова.

– Милиция возьмет запись с камеры наблюдения и увидит, как ты явилась вовремя на службу, выбегала за лимоном, а потом унеслась. Возьмут на анализ коньяк, содержимое желудков умерших и установят: отравы находилась в чае. Почему ты уверена, что яд подсыпал незнакомец? Он ушел, значит, жив. Ольга, что ты скрываешь?

Коврова заревела. И в эту секунду из прихожей раздался голос Юры:

– У нас гости? Ау, Вилка!

Через полчаса, когда Ольга повторила свой рассказ, Юра возмутился:

– Ты идиотка, да?!

Коврова принялась шумно сморкаться в бумажную салфетку, но Юра не остановился.

– Зачем ты сюда пришла?!

Оля перестала терзать нос и заявила:

– Ты для меня близкий человек, Юрашечка! Как родственник!

Я неожиданно ощутила укол ревности. Конечно, я понимаю, что до нашей встречи Шумаков вел отнюдь не монашеский образ жизни, но, согласитесь, не очень приятно слышать от симпатичной шатенки, что твой мужчина ее бывший любовник.

Юра почесал подбородок.

– Не надо лгать. Мы с тобой общались меньше трех месяцев. Познакомились в начале июня, а в середине августа ты от меня ушла, сказав на прощание: «Води за нос другую бабу. Не хочешь жениться, я найду нового парня».

Оля уперла руки в боки.

– А-а-а, ты думал, что нашел себе дармовую прислугу? «Оля, сделай обед... Оля, постирай... Оля, сиди тихо, я занят... Оля, мы еще мало знакомы, я не готов к походу в загс...» Найми домработницу и понукай ею! Я тебе не раба!

Шумаков побагровел, и мне стало понятно: он разъярен до предела. Похоже, Олечка обладает уникальным талантом себе вредить. Примчалась просить помощи у бывшего кавалера и моментально его рассердила.

Но тут Юра неожиданно улыбнулся:

– Понял твою позицию. Вот только о каких наших родственных отношениях может идти речь? И у меня возникли вопросы. Если ты совладелец фирмы, почему подаешь чай в кабинет босса? Десять минут назад ты уверяла, что дела на фабрике после твоего активного вмешательства в процесс руководства пошли расчудесно. Неужели у вас нет денег на девчонку с подносом? Не можете выделить ей скромный оклад? Я не говорю про красавицу-блондинку, имеющую в активе корону «Мисс мира», но неужели вы не наскребли даже на пенсионерку, которая была бы счастлива получать мизерную зарплату? Нестыковочка получается. Либо ты совладелица и на равных рулишь производством плюшевых свиней и зайцев, либо секретарша.

Коврова зашлась в плаче.

– Единственный родной человек... никого нет... предал меня... свою любовь... – проносила она в промежутках между рыданиями. – Кто говорил: «Олечка, ты мое ясное солнышко, ты лучше всех на свете»?

Я постаралась не измениться в лице. Оказывается, Юра способен на романтические признания! Мне он ничего подобного не говорил.

– Ты сообщила в милицию? – наседали на зареванную Олю Шумаков.

– Думала, ты мне поможешь, – прошептала Коврова, – сам всем займешься, расследуешь, найдешь убийцу.

– Нельзя брать дело, если в нем замешаны знакомые, – отрубил Юра. – Мой тебе совет: немедленно набери ноль-два и сообщи о случившемся. Причем расскажи всю правду. Ну, что перепугалась и надурила.

– Лучше я спрячусь, пока все не выяснится, – продемонстрировала характер страуса Ольга. – Ты меня ненавидишь! Хочешь отомстить!

В дверь позвонили. Я посмотрела на часы – кто может заявиться в такое время в гости?

– Поздно! – отчеканил Шумаков. – За тобой уже пришли с ордером на арест. Сейчас Вилка тебе сухарей засушит.

Оля взвизгнула и съехала под стол. По дороге прихватила чайную ложку и, уже сидя на полу, пообещала:

– Если выдадите меня, зарежусь!

– При помощи ложки тебе лучше повеситься, – фыркнул Юра.

– Перестань паясничать, – попросила его я. – И открой дверь. Сам знаешь, никакой милиции там нет.

Глава 3

Оля высунула голову из укрытия.

– Это не менты?

Я успокоила Коврову:

– Сама посуды – откуда они могли узнать, что ты здесь?

Незванная гостья зашмыгала носом:

– За мной следили.

Несмотря на неприятную ситуацию, мне стало смешно.

– Вылезай!

Коврова выползла из-под стола и села в кресло.

– Зачем Юрка меня напугал?

– Похоже, Шумаков на тебя обиделся, – ответила я. – Мужчины плохо переносят разрыв отношений.

Оля схватила из вазочки вафлю и заявила, захрустев ею:

– Он сам виноват! Вот тебя повел в загс, а меня нет!

Я уже успела забыть про свое вранье и на секунду опешила. Продолжить разговор на эту тему нам не удалось. В кухню уверенным шагом вошла мадам, здорово смахивающая на полковника из провинциального гарнизона. Незнакомка была полной, краснолицей, с небольшими усиками над верхней губой, голубыми глазами навывкате и сизым носом. Вероятно, дама не чуралась выпивки и острой закуски.

– Ну-ка, дайте мне чаю! – без всяких предисловий распорядилась она. – Живее!

Мне очень не по душе такие люди. Столкнувшись с женщиной-гренадером в общественном месте, я сочла бы за благо отойти в сторону, поскольку не люблю бурных скандалов и войн. Но если хамка решила распорядиться в моем доме, она непременно получит отпор.

Детство писательницы Арины Виоловой прошло не в известном поселке Переделкино, где кучкуются литераторы всех мастей, и не в подмосковном местечке Снегири, отданном элите балета вкупе с примами драматических театров. Я жила в бедном районе типовых пятиэтажек, моим воспитанием занималась тетка Раиса. Хорошее, доброе, вечное она сеяла в моей душе в промежутках между запоями. Лет с пяти я усвоила простую истину: если не имеешь родителей, старших братьев-сестер, то научись сама давать в нос обидчикам. В детстве я была жесткой, даже непримиримой. И хорошо, что на моем жизненном пути встретилась Тамара, ее мать сильно меня изменила². Но некоторые навыки, в особенности если вы приобрели их с пеленок, автоматически вспоминаются при нажатии на больную мозоль.

Я встала и гаркнула:

– В чем дело?

– Не ори! – добавила децибел в голос незнакомка. – Чаю хочу! Устала. Долго ехала.

– Вы кто? – легко перекричала я тетку. – С какой стати ввалились в мой дом?

«Полковник в юбке» села на стул.

– Замолчи. Я приехала к своему племяншу. А вот ты кто? Очередная его баба? Ну и сиди тихо, когда хозяйка прибыла.

Я отчеканила:

– Произошла ошибка. Меня зовут Виола Тараканова, это мой дом, здесь хозяйничаю я.

– Юрка, подь сюда! – завопила тетка. – Хорош фигней заниматься!

Я опешила, и тут появился Шумаков.

² История жизни Виолы Таракановой подробно рассказана в книге Дарьи Донцовой «Черт из табакерки», издательство «Эксмо».

– Тетя Варя, – заискивающе произнес он, – не размахивай саблей.

Мы с теткой одновременно указали друг на друга и так же одновременно спросили:

– Это кто?

Юра шаркнул ножкой.

– Давайте я вас познакомлю. Тетя Варя, это – Вилка. Вилка, это – моя тетя.

Я с трудом выдавила из себя:

– Очень приятно.

– Квартира чья? – не сдавалась Варвара.

Шумаков открыл рот, но я его опередила:

– Моя.

– Че, правда? – уже тише спросила Варвара.

Юра кивнул:

– Да.

Тетка зацокала языком.

– Ну Надька, ну дрянь! Она в Москву ездила, я ей велела тебе банку огурчиков передать. И че ты думаешь? Вернулась Надюха назад и блеет: «Варь, Юрка разбогател несметно, дворец купил многокомнатный. Прежнюю халабуду сдает, новый его адрес жилец мне не дал. А огурцы передать обещал». Ты получил баллон с закусью?

– Нет, – односложно ответил Юра.

– Так я и думала! – разозлилась Варвара. – Народ вокруг вороватый, совесть совсем потерял! Сожрал тот гад чужие огурчики и не подавился. То-то у мужика глаза бегали, когда я ему сегодня конкретно сказала: «Говори Юркин адрес, иначе не уйду!»

Шумаков встал за моим стулом.

– Тетя Варя, ты приехала внезапно. Почему не предупредила? Могла позвонить, ведь знаешь номер моего мобильного. Зачем было тормозить квартиранта? Странно, что он тебе мой новый адрес сообщил, Петр Николаевич не из болтливых. Ты рисковала остаться на улице.

Варвара раскатисто рассмеялась:

– У меня и пирамида Хеопса заговорит, я умею с людьми беседовать. Ну и че бы ты мне, племянник, сказал, когда б услышал от тетки: «Мы приехали за покупками, приюти на недельку»? Че бы выдумал? Заболел, мол, лежишь под уколами? В командировке в Кукуеве? Рад меня приютить, да самого в Москве нет? Мобильные хитрые, не поймешь, в какой город трезвонишь! Не корчись, знаешь ведь, я правду завсегда в глаза выдаю. Ты бы от меня точно избавился. Снимай, мол, Варвара, комнатенку, отстегивай рубли. Только они у меня из-за свадьбы наперечет. Вот я и подумала: если неожиданно подвалить, то все срастется – Юрка будет дома и, хоть свою тетку недолюбливает, на улицу ее не выпрет.

Я невольно засмеялась. Варвара совершенно права. Ну-ка, положи руку на сердце, признайтесь: вы обрадуетесь, когда узнаете, что из провинции в Москву, этак на недельку, спешит сестра матери? Ладно, предположим, вы испытываете к тете нежные чувства. А ваш муж? Запрыгает он от счастья, услышав о визите дубля тещи? А свекрови вашей понравится такой расклад? Она с цветами встретит родственницу невестки? И потом, где семь дней, там и десять, четырнадцать, месяц, полгода... Так что провинциалы зачастую думают: чтобы получить приют у московской родни – лучше свалиться ей на голову селевым потоком, то есть внезапно и резко.

Шумаков закашлялся, а Варвара повернулась ко мне:

– Не хотела тебя обидеть. У Юрки вечно бабы меняются, поэтому я тебя и огорошила. Не таи зла. Давай начнем сначала. Меня зовут Варвара Михайловна Шумакова, лучше тетя Варя. Я приехала с дочкой Нинкой и ейным женихом Генкой. Свадьба у нас намечается. Не скажу, что шибко довольна зятем – зарабатывает он мало, пиво хлещет, своего угла нет. Но

Нинке к тридцатке подвалило, лучше уж Генка, чем никто, поэтому я и согласилась на их бракосочетание. Два года уж вместе живут, хватит им по сараям прятаться.

Только сейчас, после Варвариного спича, я заметила еще две маячившие на пороге фигуры. Нина и Геннадий, похоже, были немые.

– Раз квартирка твоя, ты имеешь право нас вон погнать, – вещала Варя. – Не обижусь, на чужих сердца не держат.

Юра как-то странно посмотрел на меня, я встала и пошла к холодильнику, говоря по пути:

– Идите в ванную. Юра вам даст полотенца. Нину и Гену мы устроим в гостевой, а вас, Варвара, разместим в кабинете.

– А я? – пискнула Оля. – Домой не пойду! Здравсти, тетя Варя, не помните меня? Я с Юрочкой жила, а вы проездом в Турцию у нас на день остановились.

– Всех шалав в памяти не удержать, – откликнулась Варвара. – Что мне теперь, с каждой любезничать? Неправильно ты, Виола, придумала. Мы с Нинкой вместе ляжем, а Генку хоть в сортире устраивай.

– Мама, – пролепетала дочь, – ну пожалуйста!

– Девушка до свадьбы в одной постели с женихом не спит, – отрубила Варвара. – Грешно!

Юра хмыкнул:

– Я плохо тебя понял и Нина с Геной не жили два года вместе?

– Да, только моя дурочка очень долго с красавчиком ходит и на свадьбу не намекает, – важно кивнула Варвара. – Хорошо у нее мать есть, а то осталась бы без штампа в паспорте.

– Значит, она не девушка, – подвел итог Шумаков, – и может делить койку с гражданским мужем.

– Супругами становятся через загс, – отчеканила Варя. – Не спорить!

– Не надо маме перечить, – попросила Нина, – иначе у вас на кухне целой посуды не останется.

– Верно, доча, – похвалила мать. – Или будет по-моему, или никак.

– А никак это как? – тут же спросила я.

Варвара показала пудовый кулак.

– Вот так! Имей в виду, я с норовом. Завсегда свою точку зрения отобью.

Шумаков застонал, Нина закрыла глаза, Геннадий замер столбом – похоже, впал в гипнотический транс. Я вытащила из-за холодильника швабру и заявила:

– Варвара, запоминайте! Вы у меня в гостях. А я тоже с характером, физической силой, связями и деньгами. Начнете скандалить и драться, моментально получите по шее и окажетесь за решеткой. Лучше зароем топор войны и попробуем общаться по-человечески.

– Чего? – слегка сбавила тон тетка.

Я улыбнулась и оперлась на швабру.

– Интеллигентный человек должен быть вежлив и приветлив с окружающими, не стоит всем навязывать свое мнение.

– Я брехать не приучена, – надулась гостья, – живу по правде, говорю ее в лицо.

– Тогда уходите, – пожала я плечами. – Мне, если по правде, не хочется находиться рядом с вами даже час. Снимайте комнату и делайте там, что хотите. Так что либо ведите себя здесь прилично, либо уматывайте.

– Уж и пошутковать нельзя, – залебезила Варвара. – Где, говоришь, полотенчико взять? С тобой лаяться не хочу, ты мне по душе пришлась. А вот Нинка моя родная дочь, и только матери решать, с кем ей спать.

Когда все гости разместились по своим углам, я сказала Юре:

– Ты ничего не говорил про тетку.

Шумаков вздохнул:

– Теперь понимаешь почему? Мама у меня совсем другой была. А Варвара – атаман. Она сестру так запилила, что та в шестнадцать лет в Москву удрала. Я надеялся, что Варя никогда с тобой не столкнется. Или, во всяком случае, вы не пересечетесь в ближайшие лет двадцать.

Я отвела взгляд. Ну и как следует понимать последнее заявление милого друга? Юра намерен жить со мной до березки на могиле, не оформляя брака? Ведь на свадьбу принято звать родственников, даже если те не умеют себя прилично вести. Или Шумаков не собирался приглашать Варвару на торжество? Впрочем, у меня совсем нет желания выходить замуж, поэтому нечего заниматься пустыми рассуждениями. Лучше свести беседу к нейтральным темам.

– Где живут твои родичи? – поинтересовалась я.

– В Бортникове, – улыбнулся Юра, – это небольшой городок в двухстах километрах от столицы.

– Зачем ехать в Москву за покупками? – вздохнула я. – Сейчас везде все есть.

Шумаков открыл бар и вытащил бутылку коньяка.

– В Бортникове так принято: платье, фату, кольца приобретать в столице.

– Думаю, здесь вещи будут такие же, как в райцентре, только дороже, – улыбнулась я.

– Правильно, – кивнул Юра. – Но там считают: если затарился в Москве, то соседи тебя будут считать богатым человеком. Приобрел такие же шмотки в Бортникове – ты нищета страшная, не жди к себе уважения.

– Глупо, – констатировала я. – Варвара мне показалась не особо обеспеченной женщиной.

– Мужа тетка давно похоронила. Да он ей в помощники и не годился –пил целыми днями, деньги у нее таскал, – разоткровенничался Шумаков. – Варя директор школы. Можешь мне не верить, но ее уважают. Она держит учеников в ежовых рукавицах, ни наркомании, ни пьянства, ни второгодников в школе нет, а педколлектив ходит строем и с песней.

– Да уж! – вздохнула я. – Извини, конечно, но твоя тетя плохо владеет литературным русским языком. Как ей удалось стать учительницей?

– Бортниково не Москва, – напомнил Юра. – Варвара преподавала домоводство, ну и постепенно благодаря бойцовскому характеру выбилась в начальство. У нее в школе почти стопроцентная успеваемость, дети боятся директрисы до дрожи. Но тетя Варя человек справедливый: когда одна из выпускниц, золотая медалистка, вдруг срезалась из-за робости на вступительных экзаменах в МГУ, тетка понеслась к ректору на прием, и в результате девушка все-таки стала студенткой. Много ты знаешь директрис, способных на такой поступок?

– Пожалуй, нет, – признала я.

Юра зевнул.

– Она тиран, деспот, грубиянка, хочет, чтобы все поступали правильно, а как правильно – знает лишь она одна. Но, в отличие от подавляющего числа педагогов, ей не плевать на детей. Если какой-нибудь пятиклассник прогуляет школу, тетя Варя пойдет к его родителям и велит выпороть парня. Она совсем не Макаренко, но ее методы работают. В бортниковскую школу рвутся чуть не со всей области. Родителей не волнует, что Варвара не очень грамотно говорит. Зато их дети будут под бдительным присмотром.

– Ясно, – проямлила я.

– Она здесь долго не пробудет, – успокоил меня Шумаков. – Больше чем на семь дней Варвара школу ни за что не бросит. Помотается по магазинам и уедет. Надеюсь, ей не придет в голову затеять пир в Москве.

Я испугалась и эхом повторила:

– Пир в Москве?

Шумаков засмеялся.

– Это наивысший пилотаж проведения свадьбы для бортниковского люда. Родители снимают в Белокаменной кафе, усаживают гостей в автобусы, привозят в столицу, веселятся, а утром, опохмелившись, дуют назад.

– Четыреста километров мотаться туда-сюда ради сомнительного удовольствия поесть салат «оливье»? – оторопела я. – В Бортникове нет ресторана?

– Целых пять, – пояснил Юра. – Но там гулять не престижно. А если тебе кричат «горько» в стольном граде, пусть и в забегаловке на московских задворках, это... это... нет, не подберу сравнения. Круче лишь поехать отдыхать с президентом. Слушай, я еще вот что хотел сказать... У меня с Ольгой ничего особенного не было, никаких серьезных отношений. Я сразу понял: она абсолютно не мой человек, и быстро ушел от нее.

Во мне немедленно ожило злорадство.

– Оля утверждала обратное: она сама тебя бросила, потому что ты постоянно пропадал на работе. Но все равно надо ей помочь. Мы, как известно, в ответе за тех, кого приручили.

– Ага, – кивнул Юра, – согласен, если приручил, то да. Но я не собираюсь отвечать за того, кто мне навязался.

Глава 4

Около десяти утра Юра с переночевавшей у нас Олей уехали в управление. Шумаков уговорил Коврову честно рассказать, что случилось в офисе фабрики игрушек. Я обрадовалась, что одной заботой стало меньше, и села за рукопись. Полчаса грызла ручку и в конце концов выдала вдохновенный абзац: «Зимнее солнце ярко освещало труп молодой женщины, которая, несмотря на жаркую погоду, вышла из дома не в босоножках, а в коротеньких сапожках. Капли дождя падали на лицо и, стекая по щекам убитой, исчезали в обивке дивана».

Сначала рожденный в муках текст показался мне замечательным. Но потом я засомневалась. Если в романе зима, то почему жарко? Тело вроде находится на улице, так откуда там диван? Ладно, слава богу, что я не вырубая слова на камне, легко исправлю ошибки. На переделку ушло четверть часа. Теперь начало детектива читалось на одном дыхании. «Стояла жара. Кто-то из москвичей выбросил на улицу диван, и сейчас на нем лежало тело мужчины, которого переехал самосвал».

Вновь возникли сомнения. Зимы я вычеркнула, дождь убрала, но каким образом бедный мужик очутился на диване? Его же переехал самосвал! Бедолагу отбросило ударом, перевернуло и уложило на подушки... Я молодец! Моему редактору Олеся понравится бодрое начало. Она не любит, когда в криминальном романе действие разворачивается вяло.

Не так давно я, поругавшись с гаишником на трассе, примчалась домой и вдохновенно написала двадцать страниц про службу ДПС. Но Олеся Константиновна недрогнувшей рукой вымарала их из книги, сказав: «Эта вставка не имеет ни малейшего отношения к развитию сюжета».

Вообще-то редактор, как всегда, оказалась права. Меня порой заносит не туда, всю правду о гайцах народ расчудесно знает и без творений Арины Виоловой. Но сейчас я умница! В первом же абзаце убила женщину! Хотя на диване-то лежит мужчина...

Пришлось еще раз перечитать текст. Так кто у меня труп? Он или она? Пожалуй, надо пойти на кухню и побаловать себя капучино...

Не успела я ткнуть в клавишу кофемашины, как в кухню вошла Варвара и с порога речитативом завела:

– Вилка! Юра сказал, ты писательница?

– Да, – гордо ответила я.

– Значит, начальников над тобой нет? – продолжала Варя.

Я засмеялась и, вспомнив, что вчера мы перешли с тетушкой Шумакова на «ты», сказала:

– Ошибаешься, руководителей у меня полно. Редактор, главный редактор, самый главный редактор, еще более главный редактор, суперредактор, начальник финансового отдела, хозяин издательства. Добавь до кучи директоров книжных магазинов, журналистов и читателей. Неслабая компания получается, и у каждого свое мнение о творчестве Арины Виоловой.

– Че, они проверяют, сколько времени ты сидишь у стола? – поразила Варя.

– Конечно, нет, – вздохнула я. – Слава богу, так далеко никто не смотрит. Мне просто нужно сдать рукопись вовремя.

– Можешь в понедельник погулять, а во вторник побольше нацарапать? – оживилась Варвара.

– В принципе, да, – кивнула я.

– Тогда помоги нам с платьем, – попросила гостя. – Я Москву знаю плохо, в метро запутаюсь, таксист нас обманет, повезет кругом, чтобы побольше денег с провинциалов стясти. А у тебя наверняка машина есть. Только не ври! Я видела ключи в прихожей. Бензин оплачу.

Не знаю, как вам, а мне, услышав чью-то просьбу, трудно ответить «нет».

– Ну... понимаешь... – замямила я, – мне же надо работать...

Варвара склонила голову к плечу.

– Вижу, тебе влом по городу таскаться. Думаешь поди сейчас: вот противная баба, привязалась репьем! Но чем быстрее я Нинке платье добуду, тем скорее вон уберусь. В твоих интересах мне пособить. Одни мы десять дней проколупаемся. А с тобой – вжик – и мы в магазине. Второй раз вжик – мы уже в ювелирном. Третий вжик...

– Собирайтесь, – приказала я.

– Главное – подобрать хороший инцидент, – довольно усмехнулась Варя. – Готовые мы давно, Нинка с Генкой в прихожей топчутся. Мне лишь чепки натянуть, и айда. Давай, поспеши, сама нас задерживаешь.

Я порысила в ванную и живо привела себя в порядок. Варвара гениальный манипулятор. Ведь я не собиралась плясать под чужую дудку. Но не прошло и десяти часов после появления в моем доме тетушки, а я уже в ритме польки бегу к ключам от машины. Может, попытаться хоть чуть-чуть набрать очки? Сказать Варе, что она не к месту употребила слово «инцидент»? По логике должно было прозвучать – «аргумент».

– Куда едем? – спросила я, когда компания разместилась в автомобиле.

– В салон свадебных платьев на Скандальной улице, – объявила Варя.

Я постаралась не рассмеяться – хороший адрес для магазина, где продают одежду для новобрачных... Включила навигатор.

– Следуйте прямо. Через сто метров поверните налево, – четко произнес женский голос.

– Это кто? – всполошилась Варя.

– Где-то баба сидит, – предположила Нина.

Я указала на прибор:

– Не волнуйтесь, это всего лишь автоматический Иван Сусанин, он нас до места доведет.

– Интернет, что ли? – спросила Варвара.

Я решила не вдаваться в подробности:

– Вроде того.

Некоторое время мы ехали молча. Потом с заднего сиденья раздался приятный баритон:

– Разрешите спросить?

Надо же! Гена-то умеет говорить!

– Если он Иван Сусанин, то... – продолжал жених.

– Замолчь! – приказала Варя. – Без тебя нервно.

Геннадий проглотил язык. Я решила приободрить парня.

– Понимаю ваш невысказанный вопрос. Если он Иван Сусанин, то не крутимся ли мы, как поляки, в непролазной чаще? Я пошутила, навигатор замечательная штука.

– Ваще я про другое размышлял, – еле слышно произнес Гена. – Сусанин был мужчиной, а коробка почему-то женским голосом вещает.

– Хорош трендеть! – гаркнула Варвара. И добавила чуть потише: – Измучилась я вся. Вдруг платья дорогушие?

– Кто вам посоветовал этот магазин? – спросила я.

– Соседка, – ответила директриса школы. – Она дочь замуж весной отдавала.

– Надо было спросить, сколько стоит наряд невесты, – продолжала я.

– Катька сказала: миллион отдала, – вздохнула Варя.

От неожиданности я отпустила руль. Потом схватилась за баранку и уточнила:

– Рублей?

Варвара хмыкнула:

– Чего ж еще? Уж не луковых головок!

– Мам, она набрехала, – пискнула Нина. – Откуда у Катьки такой капитал?

– С каким-то москвичом спит, – вздохнула Варя. – Поговаривают, он олигарх с рынка, три палатки держит.

– Сомневаюсь, – кашлянул Гена, – Катя страшная.

– Наврала она, – повторила Нина. – Хотела, чтоб все завистью изошли. Потому и ценник у доченьки с платья не срезала. Видела я ту бумажку! Десять тысяч синей ручкой написано и еще два ноля черной прималевано.

– Доберемся и увидим, – вполне мирно сказала Варвара.

Я не принимала участия в беседе, хотя меня немало удивило поведение незнакомой Кати. Если она приврала по поводу цены свадебного наряда, то зачем отправлять соседку в тот же салон? Правда моментально выплывет наружу.

Не успели мы войти в помещение, заставленное манекенами в белых нарядах, как появился парень и затараторил, словно сорока:

– Здравствуйте. Меня зовут Эдуард. Спасибо, что выбрали наш салон. У нас лучшие платья по лучшей цене. Лучшим клиентам лучшая скидка! Лучшие клиенты сегодня вы.

– Замолчь! – велела ему Варя. – Весь мозг сразу уболтал.

Но Эдик оказался крепким орешком. Слова потенциальной покупательницы он проигнорировал и застрекотал с удвоенной силой:

– Понимаю ваше нервное состояние. Как вас величать?

– Варвара Михайловна, – бормотнула тетка.

Эдик нежно прикоснулся к ее плечу.

– Варварочка, доверьтесь мне и будете самой привлекательной невестой. Как вам вариант «Осень патриарха»?

Широким жестом продавец указал на нечто несуразное. Я замерла, приоткрыв рот. Неужели найдется хоть одна девушка, желающая это приобрести?

Широкая белая юбка походила на гигантский абажур. Сходство с ним ей придавала не только форма, но и обильная бахрома. Ткань, натянутая на каркас, блестела и переливалась множеством не совсем аккуратно приклеенных блесток; подол платья, густо утыканный крошечными бумажными розочками, сильно смахивал на венок, который наши люди, начисто забыв, что церковь не приветствует в светлую праздничную неделю после Пасхи посещение кладбищ, вешают на оградки могил. Сверху невесте предлагался корсет, расшитый атласными шнурами, хотя столь глубокое декольте у невинной девушки не только неуместно, но и неприлично. А еще невесте нельзя будет дышать, иначе ее бюст просто выпадет наружу.

– Боже! – воскликнула Нина. – Ну и ну!

Я выдохнула. Похоже, у дочки Варвары есть вкус. Она не желает напоминать очумевшего от счастья дембеля, разукрашенного аксельбантами из веревок, а также походить на помесь абажура и похоронного венка.

– Какая красотища! – продолжала Нина. – Мама! Вот оно!

Эдуард изобразил удивление.

– Мама? Невероятно! Я думал, эта девушка ваша подружка, а вы, чуть ее постарше, решились на замужество. Сейчас модно расписываться после двадцати пяти. Да ладно, не шутите!

Меня столь откровенная лесть рассмешила, но Варвара покраснела и вдруг, кокетливо поведя плечами, выдала:

– Ну, я ее рано на свет родила. Сколько, мил человек, стоит «Осень патриарха»?

– Договоримся, – легкомысленно отмахнулся Эдуард. – Я настолько поражен вашей красотой, что скину цену. Но вы сначала получше изучите ассортимент.

– Мама! Хочу это! – заканючила Нина. – Оно мне снилось!

– Больно голое, – усомнилась Варвара, – нецеломудренное. Батюшке в церкви не понравится.

Гена откашлялся.

– Да попу это по барабану! Он Наташу Малышеву обвенчал и не чихнул, хотя даже жених покраснел, когда невесту увидел. А Макс в стриптиз-клубе охранником стоит.

– Точно! – запрыгала Нинка. – Натка в ботфортах к алтарю пошла, юбка по самое не хочу и грудь, как на подносе.

– К «Осени патриарха» я подберу накидку, – пообещал Эдуард. – В подарок от фирмы. И туфли подходящие у нас есть. Вуаля!

Движением фокусника продавец извлек словно из воздуха коробку, снял крышку и достал обувь. Я снова потеряла дар речи.

Белая лодочка имела мысок, украшенный брошью, в центре которой горел «рубин» размером с мой кулак. Но главная красота таилась в каблуке. Обычную тонкую шпильку заменяла фигурка тучного амура в стыдливой набедренной повязке. Глаза у вестника любви тоже пламенили красными камнями. Очевидно, создатели обуви считали амурчиков альбиносами.

– Мама... – зашептала Нина. – Ой! Мамочка! Таких ну ни у кого не видела! Ваще!

– Вчера поступили, – потер руки Эдик, – это эксклюзив. Их заказывала на свадьбу дочь... Ой, молчу, это секрет... Ну очень-очень-очень богатая девушка заказывала. Да обувщик ошибся размером – требовался тридцать седьмой, а он прислал сорок второй.

– Как раз по мне! – ахнула Нина.

Да уж, дочь Варвары совсем не Золушка. Впрочем, мне не следует ехидничать – сама не могу похвастаться крохотной ступней.

– Еще есть сумочка, – словно змей искуститель, вещал продавец. – Вуаля!

Теперь в руках парня очутился амур-альбинос побольше, около двадцати сантиметров высотой. А вокруг шеи у него болтался шелковый шнур. Эдик ловко повесил сумку на свое плечо. Я вздрогнула. Полное ощущение, что продавец придушил уродца с луком и теперь тащит его в качестве охотничьего трофея домой.

– Как она открывается? – заинтересовался Гена.

Эдик нажал на уши пластикового амура, и тот широко разинул рот.

– Много туда, конечно, не положишь, – признал продавец, – но ведь в клатчах картошку не носят, а носовой платок уместится. Ну, типа слезы смахнуть, когда уезжать из ресторана пора настанет.

Нина умоляюще посмотрела на мать.

– Ну хорошо, – сдалась Варвара. – Только неправильно с бухты-барухты первое попавшееся хапать. Надо по магазину побродить, с людьми посоветоваться.

Эдик сделал приглашающий жест.

– Прошу, наш шоурум открыт круглосуточно. Кофе, чай, конфеты?

– Скока стоит угощение? – предусмотрительно поинтересовалась директор школы.

– Помилуйте! – закатил глаза Эдик. – Категорически бесплатно, от всей души и гостеприимства.

– Тогда неси все, – милостиво разрешила Варя, – мы проголодались.

Глава 5

Около часа мы бродили между манекенами, и я с удивлением констатировала: «Осень патриарха» – не самый страшный вариант. «Мечта витязя» и «Принцесса из страны карамели» оказались еще ужаснее.

– Твое мнение? – спросила Варя, когда мы завершили осмотр.

Нина дернула меня за рукав.

– Вилка, – прошептала она, – я тебя так люблю!

– «Осень патриарха» лучший выбор, – почти не покривила я душой.

– Ой! Мамочка, берем, да? Да? – начала теревить родительницу Нина.

– Скока стоит? – сурово спросила директриса бортниковской школы.

Эдуард потер ручонки.

– Пятьсот тысяч.

– Офигел? – прищурилась Варвара.

Эдик подбочился.

– Эксклюзивная модель! Второй подобной во всем мире нет! Ручная работа дома Диор. Сшито Армани и Валентино.

Я приблизилась к наряду, заглянула внутрь и воскликнула:

– Там ценник! Сделано в Индии!

– Верно, – не смутился Эдик, – собрали на тамошней фабрике, так сейчас все делают. Хорошо. Четыреста.

– Ты обещал мне персональную скидочку, – напомнила Варя.

Цена упала еще на полтинник.

Тетушка потеряла руки и ринулась в бой. Мы с Ниной и Геной стояли смирно в сторонке. Дилетантам лучше не лезть на поле, где рубятся профессионалы.

Минут через сорок вспотевшая и растрепанная Варвара похлопала еле стоящего на ногах Эдика по плечу и велела дочери:

– Нина, иди, примерь. А ты, мил человек, напиши для нас на ценнике: «Полтора миллиона рублей». Это для соседки, пусть сдохнет от зависти.

Невеста взвизгнула и улетела в кабинку.

Дальнейшее действие разворачивалось со страшной скоростью. Платье хорошо сидело, туфли не жали ногу, сумка идеально легла на плечо. В порыве необузданной щедрости Эдик подарил невесте фату на специальном обруче и пару шпилек с декоративными головками в виде букетиков, чтобы прикрепить кусок тюля к волосам. Покупку поместили в картонный ящик, мы уселись в машину, без единой проблемы добрались до дома. И тут у меня ожил мобильный.

– Вилка? – застонали из трубки.

Я, наблюдая за тем, как Гена несет к подъезду наряд, подтвердила:

– Да. Слушаю. Кто говорит?

– Оля, – заплакали в телефоне. – Меня арестовали. Отвели в камеру. Слышишь? Здесь мобила плохо фурчит.

– В СИЗО разрешены сотовые телефоны? – удивилась я.

– Забудь про глупые вопросы и помоги! – зарыдала в голос Коврова. – Юрка сумел-таки мне отомстить. Он давно выжидал момент и, пожалуйста, – подговорил приятелей, а те меня на шконку запихнули.

Я удивилась. Ну откуда молодой, не имевшей судимости женщине знать словечко «шконка», которым уголовный мир именуется спальное место на зоне? Хотя я же в курсе, что

оно означает... А Ольга некоторое время тесно общалась с Юрой, вот, наверное, и услышала от него...

– Никогда не живи с ментами! – стонала Коврова. – Они подлые!

– Шумаков не станет мстить бывшей подруге, – защитила я любимого.

Оля перестала хныкать.

– А ты откуда знаешь? Вот расплюешься с ним, тогда и побеседуем.

– В чем тебя обвиняют? – спросила я.

– Ни в чем! Вилка, умоляю, помоги. Они меня убьют! – зачастила Коврова.

– Кто и почему? – холодно поинтересовалась я.

– Менты, – снова заплакала Ольга. – Им надо дело закрыть, иначе по шапке от начальства получат. Я у них единственная подозреваемая.

– Зачем лишать жизни женщину, которой предстоит ответить за совершенное преступление? – не поняла я. – Наоборот, ее надо хорошо кормить и вовремя спать укладывать. Тогда ты окажешься в суде и выслушаешь приговор, а следователь получит премию за удачно завершенное дело.

– Никаких улик против меня нет, – затахтела Оля, – только их домыслы. Я знала, что так будет, поэтому и примчалась к Юрке, сказала ему: «Дорогой, давай забудем прошлые обиды. Прости меня за все плохое. Я была с тобой слишком капризна и груба, ты имел полное право уйти от такой бабы. Но сейчас помоги!»

Меня охватило удивление. Коврова забыла, что я присутствовала при беседе? Ничего подобного она не произносила!

– Ты ж сама убежала от Шумакова! – воскликнула я.

– Ну... вообще-то нет, – призналась Ольга. – Я тебе сказала неправду. Очень стыдно, когда мужик уходит. Ничего особенного, просто хотела казаться лучше.

– Что тебе от меня надо? – остановила я бормотание экс-любовницы Юры. – Излагай!

Собеседница всхлипнула и доложила:

– Единственная подозреваемая по делу – я. Ничего конкретного против меня нет, лишь тупые заявления типа: «Она стерла отпечатки пальцев». А пусть докажут, что их я стерла! Может, настоящий убийца постарался!

Я не выдержала и прервала вруню:

– Ты мне в деталях описала, как орудовала тряпкой.

– Вот-вот, – простонала Оля, – я тебе доверилась, ты растрепала Юрке, а он обрадовался, звякнул своим, и меня заперли. Подлый мент!

Меня охватило раздражение.

– Не стоило обращаться к Юре, если ты считаешь его подлецом. А историю с уничтожением отпечатков пальцев ты повторила сама, когда пришел Шумаков.

– Я думала, он поможет. А родной человек меня топит! – взвизгнула Ольга. – Ногой на макушку наступает. И в дерьмо окунает. Меня надо отпустить! Но у них никого другого нет на подозрении. Если меня в камере придушат, дело закроют из-за смерти единственного подозреваемого. Так часто поступают.

– Ну, это ты перехватила, – вздохнула я.

– Нет, – опять принялась всхлипывать Оля, – помоги мне. Ну какие у меня причины для убийства?

– Ты хотела стать единоличной владелицей фабрики игрушек, – ответила я.

В трубке повисла тишина. Затем Коврова проямлила:

– Вилка, я не компаньон Ускова.

– То есть? – не поняла я.

– Я служила у Николая Ефимовича секретарем, – зачастила она, – подавала чай-кофе, резала сыр на бутеры, выполняла мелкие поручения.

– Вчера вечером ты говорила иное, – напомнила я.

– Хотела произвести впечатление, – без всякого стыда расписалась в обмане Ольга. – Вот поставь себя на мое место. Пришла к бывшему бойфренду, столкнулась там с его очередной бабой. И что ж, объявить правду: я никто, звать меня никак, дальше мыть чашек в убогой дыре я не продвинулась?

Я не поверила своим ушам.

– Но ты очень подробно рассказала о том, как вытащила производство из болота!

– Да, я не раз думала, как можно помочь фабрике, – подтвердила Коврова, – делала Ускову предложения, но тот отказался. Отвечал: «Меня устраивает, как идет дело». Николай Ефимович был боязливым человеком, такой миллиардов не заработает.

Я вздохнула.

– Вероятно, Усков не хотел получать супердоходы. Большие деньги это, как правило, и большие проблемы. А врать нехорошо.

– Кто бы говорил! – отбила мяч Ольга. – Сама с ходу набрехала, что Юрка с тобой расписался, вы сыграли свадьбу и ты знаешь тетю Варю. И чего? Живенько выяснилось, что Варвара в глаза тебя не видела!

Я притихла. Коврова совершенно права. Но у меня есть оправдание – мне очень не хотелось выглядеть в глазах экс-любовницы Шумакова очередной его забавой. От моей лжи никому плохо не стало.

– Ну зачем мне людей травить? – ныла между тем Оля. – Надо искать того, кому Антонина Михайловна насолила. Усков был хорошим дядькой, тихим, людям дорогу не перебежал. Он случайно погиб, явно хотели убрать Кириллову. Я тут посоображала и дотумкала, почему и кто на Кириллову обиделся. Она...

– Давай сюда, сука, – донесся из трубки грубый голос.

– Вали на..., – ответила кому-то Ольга.

– А.....! А.....! – прогремел хриплый бас. – Вот...!...!

Я занервничала.

– Оля! Что у тебя происходит?

Ответа не последовало. До моего слуха долетел странный звук, отдаленно напоминающий бульканье, затем понеслись частые гудки. Я порылась в телефоне в папке «Принятые вызовы», нашла номер сотового, которым воспользовалась Коврова, и набрала его.

– Абонент недоступен, – сообщило приятное сопрано.

Конечно, аппарат пронесли в камеру нелегально. В основном доставкой трубок за решетку занимаются адвокаты или те, кому по долгу службы вменяется следить за арестованными. Постоянно включенным сотовый держать не станут и его отключат от сети при малейшем шуме из коридора. Мне не следует нервничать. Но вопреки логике в душе поселилось беспокойство, и я без особой надежды на успех попыталась соединиться с Юрой.

Шумаков неожиданно сразу снял трубку и вполне мирно спросил:

– Как дела?

Я сначала порадовала его новостями.

– Отлично. Платье для свадьбы куплено, осталось приобрести кольца, выбрать макияж с прической, ну и несущественные мелочи. Думаю, за пару дней мы управимся и тетя Варя отбудет в Бортниково.

– Супер! – возликовал Шумаков.

Я сочла момент благоприятным и спросила:

– Как там Оля?

– Ее задержали, – коротко сообщил Юра.

Забыв, что Шумаков меня не видит, я кивнула.

– Да, знаю. Она мне звонила. Сейчас расскажу...

Надо отдать Юре должное – он гениальный слушатель. Шумаков не станет вас перебивать, в процессе беседы не выпалит: «Ты уже в пятый раз об одном и том же талдычишь!» Нет, он сплошное внимание. Зато потом, когда собеседник выговорится и устанет, майор разразится серией вопросов. Но сейчас, узнав, о чем мы говорили с Олей, Шумаков мрачно буркнул:

– Уточню. – И сразу отсоединился.

Я глянула за окно автомобиля. Над Москвой повисла серая сетка дождя. В такую погоду не особенно хочется гулять. Лучше завалиться на диван, взять шоколадку, включить диск с любимым фильмом и, закутавшись в теплый плед, в сотый раз радоваться, как герои романтической комедии ловко справляются со всеми жизненными неурядицами. Но мне дорога к удовольствию заказана – в моей квартире уже орудует тетя Варя. Сильно сомневаюсь, что дама со столь активной жизненной позицией разрешит мне предаться ничегонеделанию. Ну и куда податься?

Я посмотрела в зеркало, поправила волосы, подкрасила блеском губы и поехала в центр, к большому дому, где в одном из кабинетов сидит мой милый друг. Шумаков имеет право на обед, и я приглашу его в ближайшее кафе. Хорошо бы Юру до моего приезда не отправили куда-нибудь по делам...

В небольшую забегаловку Шумаков вошел с таким суровым выражением лица, что я сразу сказала:

– Прости, решила сделать тебе сюрприз. Мы так редко обедаем вместе! Не могу даже вспомнить, когда вот так сидели вдвоем за столиком. Не хотела нарушить твои планы.

Юра изобразил радость:

– Нет, нет, тебе пришла в голову отличная идея.

– Что случилось? – не выдержала я, когда Юра начал сосредоточенно выковыривать из горы листьев салата крохотные кусочки курицы. – Зачем ты заказал «Цезарь»? Там же есть нечего, сухари да зелень.

– Аппетита нет, – чуть помедлив, ответил Шумаков. – Коврову ранили.

Я уронила вилку.

– Она жива?

– Пока да, – нахмурился Юра. – Ее ударили заточкой в спину. Того, кто Ольгу порезал, не нашли – народу в камере толпа, но, как водится, все разом ослепли и оглохли.

– Оля предполагала подобное развитие событий, – пробормотала я, – поэтому и позвонила мне. Она выживет?

Шумаков дернул плечом.

– Состояние тяжелое, она без сознания, в реанимации.

– Почему ее арестовали, если нет прямых улик? – налетела я на него.

– Задержали, – поправил Юра, – в соответствии с законом.

– Причина? – наседала я.

Шумаков отодвинул тарелку, возмущенно заметив:

– Нарежут силоса, швырнут два грамма курицы, навалят сухого хлеба, а ты плати, как за целого бройлера! У Ковровой не было при себе паспорта. Выясняли ее личность. И, кстати, у нее нашли пакетик с марихуаной. Пусть спасибо скажет, что не обвинили в наркоторговле.

Я прищурилась.

– Ты серьезно?

Шумаков взял чашку.

– Угу. В Москве лучше носить в сумочке документы, а не травку. И вообще...

Юра замолчал и стал сосредоточенно насыпать в кофе сахар. Наклонил над чашкой дозатор один раз, второй, третий, четвертый и возмутился:

– Кто эту шутку придумал? Плюет всего по грамму песка.

– Ты лучше скажи, кто решил запихнуть в камеру ни в чем не повинную женщину, – отрезала я. – Фактически обрекли ее на смерть. Кстати, Оля думает, что ты ей мстишь.

Юра поставил сахарницу в центр стола.

– Назови хоть одну причину моей неприязни к Ковровой!

Я вспомнила аргументы девицы:

– Мужчины плохо относятся к бывшим любовницам.

Юра оперся локтями о стол.

– Мы были вместе совсем недолго. Коврова не мой человек, у нас с ней не было ничего общего. Ольга тоже считала необеспеченного мента неудачной партией. Мы разбежались. Ни детей, ни совместной собственности не имели, ничего не делили. Она мне не нужна, а я – ей. Никаких чувств я к Ковровой не испытываю – ни злости, ни ревности. Мне по барабану, как она живет. Но поскольку все же некоторое время я считал Олю близким человеком, посоветовал ей поступить правильно. И отвел к Мише Лаврову. Сам занялся делами, а потом позвонил Лаврову, хотел узнать, что там вообще есть по убийству на фабрике игрушек. Мишка выдал такую инфу, что я до сих пор в трансе. Знаешь основную ментовскую заморочку?

– Уточни, какую из многих ты имеешь в виду? – улыбнулась я.

Но Шумаков не улыбнулся в ответ.

– Когда ежедневно сталкиваешься с убийцами, то рано или поздно начинаешь думать, что в каждом человеке скрыт преступник. Гляди, по улице идет тетка...

Я посмотрела в большое окно.

– С тремя сумками и ребенком?

Юра кивнул.

– И вполне вероятно, что она придушила свою свекровь. Мотив? Да полно! Тесная квартира, капризная старуха, бабы не смогли поделить мужа и сына. Или вон тот мужик с цветами... Спешит сейчас к любовнице, его счастью мешает опостылевшая жена, и он собрался ее придушить. При определенных обстоятельствах любой может стать убийцей.

– Это уже шиза! – остановила я Шумакова. – Лучше сходи к психотерапевту, иначе заработаешь нервный срыв.

– Не, – усмехнулся Юра, – я сам справился. Запретил себе подобные мысли, и все. В момент, когда Ольгу встретил, я как раз усиленно над собой работал, потому так и вышло.

– Как? – не поняла я.

Шумаков откинулся на спинку стула и начал рассказ.

Когда Юра понял, что профессиональное недоверие сильно мешает его и без того не очень счастливой личной жизни, он дал себе честное слово никогда не подозревать партнерш в нехороших поступках, не проверять их, не копаться в их прошлом, не всегда быть милиционером, а хоть час в день жить как обычный парень, у которого нет возможности выяснить подноготную своей спутницы.

Коврова появилась в жизни Юры внезапно. Роман был коротким, пара рассталась, и до сегодняшнего утра Юра не сомневался, что Оля – неудачливая модель и плохая секретарша, не отличается особым умом, бесцеремонно лезет в чужие дела, излишне болтлива, поэтому подолгу ни на одной службе не задерживается.

Но следователь Михаил Лавров за короткое время выяснил другое. Оказывается, Ольга Коврова имела диплом медсестры, трудилась в больнице и подрабатывала сиделкой. Вроде ничего особенного, средний медперсонал получает небольшую зарплату, а многие люди нанимают тяжелобольным родственникам няньку. За год до встречи Ковровой с Юрой на нее пожаловалась Арина Расковалова, бизнес-леди, которая пригласила медсестру к своему парализованному отцу Антону Борисовичу.

Расковалова была довольна выбором, никаких претензий к сиделке не имела, но на всякий случай она установила дома скрытую видеокамеру.

А через три месяца после прихода Ковровой в дом Антон Борисович скончался. Арина насторожилась. Врачи не прогнозировали скорый летальный исход, наоборот, твердили: приготовьтесь к тому, что ваш отец проведет в состоянии овоща не один год.

Расковалова еще раз тщательно просмотрела запись последнего дня жизни Антона Борисовича и отметила одну странность. Ольга каждый день делала старику уколы и всякий раз прямо в спальне открывала коробку с ампулами, отламывала кончик одной перед инъекцией. Но за десять минут до того, как пенсионер перестал дышать, Коврова вошла в его спальню с уже заготовленным шприцем. Что-то в картинке показалось Арине необычным. Бизнесвумен проглядела все глаза, прежде чем сообразила: все три месяца медсестра пользовалась инсулиновыми шприцами, а последнюю инъекцию сделала из большого, похоже, даже не одноразового, десятикубового.

Расковалова – хозяйка огромного предприятия. Она понимала, чем чревато ложное обвинение. Поэтому Арина не помчалась с пленкой сразу на Петровку, наняла частного детектива и велела ему тщательным образом изучить прошлое Ольги. Получив его отчет и приложив к нему видеозапись, Расковалова явилась к одному из своих высокопоставленных приятелей.

Глава 6

Детектив раскопал удивительные сведения. Оказывается, все подопечные Ольги Ковровой благополучно отправились на тот свет. Что в этом необычного? Конечно, сиделку не наймут к абсолютно здоровому старику. Ясное дело, медсестра заботилась об умирающих. Но почему-то больше трех месяцев никто из паралитиков, за которыми она ухаживала, не прожил. Получалась странная закономерность – тяжело больные люди кое-как скрипели до появления Ковровой, и доктора, как правило, говорили родственникам: «Мужайтесь, вам предстоит не самые лучшие годы и сколько их впереди: три, пять, шесть – никто не знает». Но стоило Ольге переступить порог квартиры, как больные уходили на тот свет.

Учитывая факт близкого знакомства Расковаловой с высшим руководством МВД, никого, наверное, не удивит тот факт, что началось следствие. Дознаватель Олег Минков жестко побеседовал с Ковровой, как следует запугал ее, пригрозил: «У нас много улик, есть видеосъемка, на которой видно, как ты ввела яд Антону Борисовичу. Лучше признайся в содеянном, меньше получишь от судьбы».

Оля вяло отрицала свою вину, плакала, а потом потеряла сознание. Минков потер руки, поняв, что девушка испугана. Сейчас она проведет ночь в камере, впадёт в ещё больший ужас, а утром язык у нее развяжется. Не такие люди ломались, понюхав воздух СИЗО!

Но в десять часов перед Олегом предстала другая женщина. Коврова выглядела уверенно и сразу заявила:

– Никаких улик против меня нет. Почему я принесла лекарство в большом шприце из кухни, а не набрала препарат, как всегда, в спальне? Арина забыла купить шприцы нужной емкости, а когда я спохватилась, Расковалова уже уехала на работу. Мне пришлось взять из своей сумки многоразовый шприц – я всегда ношу его с собой на всякий случай. Я прокипятила шприц в кастрюле и наполнила его на кухне. Если нести инструменты в спальню и там вытягивать раствор из ампулы, стерильность нарушится. Меня так учили! Где кипятила, там и лекарство набрала, не отходя от плиты. Больше не скажу ни слова, мне положен адвокат.

Дознавателю оставалось лишь грызть от злости карандаш. Минков понял, что более опытные сокамерницы научили Коврову правильному поведению.

Спустя короткий срок Ольга очутилась на свободе – против нее не было реальных улик. На слова Минкова: «Поверьте, Коврова – «ангел смерти»! Многоразовыми шприцами давно никто не пользуется!» – начальство не обратило внимания. Да еще приятель Расковаловой нехотая лишился высокого милицейского поста, давить на следствие стало некому.

Олега Минкова заело. Он знал, что в среде медработников встречаются люди, прибегающие к эвтаназии. Одни делают больному смертельную инъекцию исключительно за деньги. Ведь не все родственники готовы терпеть дома тяжело больного человека. Парализованная бабушка превращается в обузу, от которой хочется избавиться. Некоторые внуки готовы изрядно заплатить за собственную свободу. Но есть другая категория медиков, так называемые «ангелы смерти». Этим врачам и медсестрам жаль умирающего, они убивают из, так сказать, гуманных соображений, берут на себя роль бога, полагая, что имеют право решать, когда чужой душе отлететь на небеса.

«Ангел смерти» никогда не польстится на деньги, не поставит в известность о своих действиях родственников и не спросит больного о его желаниях. Если «ангел смерти» посчитал недужного готовым уйти в мир иной, он выполнит задуманное. И в большинстве случаев преступление остается незамеченным, кончина очень больного человека совсем не удивительна.

Никто из коллег не прислушался к словам Минкова. Коврова жила бедно, в ее квартире не нашлось ничего ценного. В сумочке действительно обнаружился допотопный стеклянный многоразовый шприц, но он был простерилизован, токсикологический анализ ничего не дал.

В организме Антона Борисовича выявили коктейль из сильнодействующих лекарств, но ведь Расковалов каждый день получал большое количество уколов. Короче говоря, Ольга вылезла сухой из зловонной лужи...

Юра налил чай из френч-пресса в чашку.

Я скорчила гримасу.

– Ну и что? У нас пока еще существует презумпция невиновности. Коврову не осудили, и с огромной долей вероятности Арина Расковалова просто хотела отомстить хоть кому-нибудь за кончину любимого папы. Сколько раз на тебя накидывались родственники жертв, крича: «Вы пособники убийцы! Специально его не ловите! Получаете от киллера деньги за бездельность и сдаете дело в архив!»

Юра отхлебнул из чашки.

– Ну да, чего только в момент стресса не вопят. Пару раз мне даже по морде от людей доставалось. Отлично помню, как пришел в один дом с плохой вестью. Терпеть не могу сообщать родителям о смерти детей, но иногда приходится это делать. Выдавил из себя слова сочувствия, тупо пробурчал: «Примите наши соболезнования, постараемся найти преступника». Глупее фразы не придумать! Как будто пойманный уголовник мальчишку вернет... Но ведь надо же хоть как-то мать утешить. А она ко мне подскочила, со всего размаха оплеуху отвесила и начала царапаться. Вообще-то такое называется нападением при исполнении служебных обязанностей.

– Надеюсь, ты не потащил несчастную за решетку? – испугалась я.

– Хорошего же ты обо мне мнения! – укоризненно покачал головой Юра. – Конечно, нет. Сделал вид, будто ничего не произошло. Но дослушай про Коврову. Она после случая с Антоном Борисовичем ушла из больницы. Раз восемь меняла место работы.

– Ну и что? – не сдалась я. – Девушка пережила нервное потрясение и решила уйти из медицины.

– Она точно переполошилась, – согласился Юра. – И с той поры заводила интимные отношения лишь с сотрудниками милиции. Но долгой любви ни с кем не получалось, со мной тоже. Думаю, Оля так перепугалась, что хотела иметь при себе мужика, который в случае претензий со стороны закона сумеет ей помочь.

– Ну ты даешь! – засмеялась я. – Просто наверняка девушке нравятся мужчины в форме.

– А особенно она их полюбила после ночи, проведенной в камере, – буркнул Юра. – Ни к чему при тебе вспоминать подробности наших отношений, но... Понимаешь, она раза по три в день говорила: «Милый, ты же меня выручишь, если я попаду в беду? Не бросишь?» Я считал ее слова кокетством, полагал, что она хочет услышать, как все бабы: «Дорогая, можешь рассчитывать на меня, в тяжелую минуту я тебя не оставлю». Но, оказывается, проблема была зарыта на другой грядке.

– Ты считаешь Ольгу убийцей? – прямо спросила я. – Полагаешь, она была «ангелом смерти»? Но согласишься, сделать из жалости смертельную инъекцию и отравить группу людей – не одно и то же. Где мотив? Если ты думаешь, что Коврова получит бизнес Николая Ефимовича, то ошибаешься – она на фабрике плюшевых мишек всего лишь работала секретаршей. Оля лгала про доленое участие в успешном бизнесе и о том, как затеяла реорганизацию предприятия. Хотела произвести на меня впечатление.

– Знаю, – отмахнулся Юра. – Коврова вообще врунья. Купит в переходе у метро сумку за двести рублей и ну говорить: «Эксклюзивная модель! Из Парижа!»

– Не одна Оля в этом замечена, – вздохнула я. – Погуляй по сайтам типа «Одноклассники», «В контакте» и прочим социальным сетям, полюбуйся на фото. Все сняты на фоне шикарных машин и домов. В особенности меня умилила одна девушка. Она стояла возле четырехэтажного здания, на дверях которого висела вполне читаемая табличка «Гостиница «Урюпинская», а текст под картинкой гласил: «Я возле своего коттеджа в Швейцарии».

Юра отодвинул френч-пресс.

– Не знаю, какой у Ковровой мотив, но она лжет, как дышит. Это и послужило основным поводом для нашего расставания. Я постоянно ловил ее на мелочах. Купит пельмени, сварит и стрекочет: «Весь день лепила, у плиты прыгала». Ерунда, а неприятно.

– Не работает! – отрезала я. – Все врут, но пельмени с убийством и рядом не лежали.

Шумаков промокнул салфеткой губы.

– Слушай дальше. Оля долго пыталась устроиться на хорошую работу, и в конце концов ей повезло. Попала на ресепшен в редакцию модного журнала. На мой взгляд, ей там предложили царские условия: приличный оклад, соцпакет, возможность покупать одежду и косметику по сниженным ценам. Коллектив хороший, начальница беспроблемная, в офис следовало приезжать к полудню. Сладкий пончик! Не укладывание шпал, не уход за паралитиками. Ольга походила туда четыре месяца и – устроилась к Ускову. Бросила выигрышное место, стала работать на дышащей на ладан фабрике, потеряв в деньгах и статусе. Почему? Что заставило ее так поступить?

– Не знаю, – растерялась я.

– А у меня есть ответ, – кивнул Юра. – Ей требовалось попасть именно к Николаю Ефимовичу. Она давно замыслила убийство. Доказательств нет, но поверь: я не ошибаюсь.

– Знаешь, как ситуация выглядит со стороны? – усмехнулась я. – Ты пытаешься отомстить девушке, с которой у тебя не сложились отношения, выискиваешь повод. Вместе с Усковым погибла еще Антонина Кириллова. Оля прибежала к тебе за помощью. И теперь я понимаю, что ее испугало. Коврову уже один раз подозревали в убийстве, и она предполагала, какой будет реакция ментов, – следователь сделает запрос о личности секретарши и, не особенно мучаясь, запихнет ее в камеру. Что и произошло. Неужели тебе не жаль Ольгу? Ты проверил ее биографию, она на самом деле одинока?

– Да, – коротко ответил Юра, – никого родных нет.

– Вот видишь, – вздохнула я. – Да, Коврова врунья. Но что она получит после смерти Ускова и остальных?

Шумаков был вынужден признать:

– На первый взгляд ничего. Но я не копался в деле тщательно. Не имею права – был хорошо знаком с фигуранткой.

Я начала вертеть в пальцах чайную ложечку.

– Почти каждой женщине трудно просить у бывшего парня помощи. Нам, наоборот, хочется продемонстрировать прежнему любовнику, что, расставшись с ним, мы живем прекрасно, богаты и счастливы. Раз уж Оля тебя нашла, значит, ей было очень-очень плохо. Ты многократно повторял: нельзя тупо упираться в одну версию. Хорошо, Коврова под подозрением. Но вдруг она ни при чем? Надо внимательно изучить биографии Кирилловой и Ускова. Кстати, вспомни рассказ Оли: в кабинете находился мужчина, который исчез, оставив два трупа. Вероятно, таинственный гость и есть убийца.

Юра кивнул.

– Сейчас Миша Лавров пытается выяснить личность незнакомца, но зацепок нет. Может, Коврова что-то еще о нем вспомнит, но она в реанимации. Однако это еще вопрос: а был ли вообще тот мужик? Ольга и тут могла набрехать.

– Чем отравили Кириллову и Ускова? – не успокаивалась я.

– Ядом, – не моргнув глазом, ответил Юра.

Ну надо же! А я-то предполагала, что они лишились жизни, понюхав одеколон «Шипр»... У Шумакова замечательная манера делиться информацией. Часто на мой вопрос по телефону: «Ты где едешь?» – Юра спокойно сообщает: «По шоссе».

– Яд бывает разный, уточни, – велела я.

– Эксперт предположил, что змеиный, вот только не выявил, чей именно. Содержался он в коньяке. Кстати, у Ускова на шее есть маленькая ссадина, и криминалист сначала настоялся, но потом понял: мужчина расчесал укусы насекомого.

Я выразила восторг:

– Ваш специалист великолепен! Смог по содержимому желудков, где, кроме спиртного, еще плескался чай, определить, в какую жидкость подлили отраву!

Юра почесал подбородок.

– Вообще-то в бутылке на столе осталась выпивка, ее взяли на анализ. И чайком баловался лишь директор, бухгалтер не пригубила ни глотка. Все вещи из кабинета исследуются. Это займет немало времени. Погоди-ка!

Юра схватил мобильный.

– Миша, что там по Кирилловой – Ускову? Ага, ну извини.

Я сочувственно покосилась на Шумакова.

– Он тебя послал?

Юрасик потер лоб.

– Точно. Как собака гавкнул: «Я отдаю токсикологу коробочку с надписью «Пастилки ментоловые». Работы до неба. Не мешай! Будет что интересное, расскажу! Следующая на очереди пустая спортивная сумка из кабинета Ускова. Повторяю: «Пустая. Но, вероятно, что-то в ней найдем. Не ешь мне мозг, займись своим делом».

Пару секунд я молчала, потом дернула Юру за руку.

– Ну? Ты понял?

– Что? – заморгал Шумаков.

Я ощутила себя самой умной блондинкой на свете.

– Милый, вспомни рассказ Ольги. Она перемандражировала, решив, что начальники умерли, отведав чай. Коврова тщательно вымыла сервиз, но не тронула коньяк.

– Она вытерла бутылку! – уточнил Юра.

– Хорошо, – кивнула я, – но зачем ей возиться с чашками и оставлять спиртное? Есть лишь один ответ на этот вопрос.

– Она не знала, что в коньяке яд, – пробормотал Шумаков.

– Точно! – обрадовалась я. – Отравительница первым делом утащила бы алкоголь и бокалы. Оля же поторопилась убрать сервиз. Могу сделать еще одно предположение.

– Говори! – приказал Юра.

– Коврова не подавала коньяк, – отчеканила я. – Алкоголь ее не беспокоил, она волновалась лишь из-за чая, который приготовила лично. Оля говорила, что Усков охотно угощал коньяком посетителей и сотрудников. Он не алкоголик, просто лакомка. Оля специально оставила фужеры, желая, чтобы все подумали, что отравы там. И не заподозрили, что яд был в чае.

– Глупая идея, – изменил своей привычке не перебивать собеседника Юра. – Первое, что сделает бригада, возьмет алкоголь на анализ. Однако здорово ее от страха переклинило! Наверное, все же рыльце у Ольги в пушку, что-то она натворила нехорошее. Может, запихнула яд в бутылку и прикинулась белой козой.

Но я с ним не согласилась.

– Пузырь могли притащить посетитель или главбух.

– Как правило, гостей угощает хозяин кабинета, – возразил Шумаков.

– Но не исключен и обратный вариант: выпивку выставил посетитель, – стояла на своем я. – В коньяке был яд. Если напиток принадлежит Ускову, то как он туда попал?

Юра вздохнул.

– Допустим, он сам и положил. Нет. Не получается. Если ты решил отравить людей, то сам из той же емкости пить не станешь. Другой человек яд добавил.

– Верно, – кивнула я. – Наличие яда в коньяке оправдывает Николая Ефимовича и Антонину Михайловну – они-то умерли!

– Угу, – кивнул Шумаков.

А я понеслась во весь опор:

– Некто зарядил бутылку и угостил их. Киллер охотился лишь на одну жертву, вторая погибла случайно.

– Что снова возвращает нас к Ковровой, – кивнул Юра. – Она легко могла напихать в бутылку яд, потом изобразила панику, помыла сервиз и примчалась к тебе в надежде, что я ее отмажу. Хитрый расчет: раз она оставила коньяк, значит, невиновна.

– Слишком умно для Ольги. Поверь, она была по-настоящему напугана, когда ворвалась в квартиру, – не согласилась я. – Надо понять, откуда в офисе взялась выпивка. Можешь спросить у Лаврова, что было у Ускова в офисном баре? Оля говорила про привычку начальника всех угощать коньяком. Он в баре какой марки? Такой же как и в отравленной бутылке?

Юра молча потыкал в кнопки своего телефона и сказал в трубку:

– Миша, вы обыскали кабинет Ускова? Не помнишь, какое у него бухло имелось?

Я уставилась на Шумакова. Очень часто люди покупают выпивку оптом, берут сразу четыре-пять бутылок, выигрывая в цене. Коньяк не кефир, он от времени не испортится. Правда, вопреки расхожему мнению, спиртное не станет лучше, хранясь на полке. Коньяк стареет и делается благороднее, исключительно находясь в бочке, хотя не скиснет и в стекле. Если Лавров обнаружил в баре еще парочку полных, идентичных открытой бутылке емкостей, следовательно, убийцу надо искать в окружении Николая Ефимовича. Черт возьми, я опять вернулась к Оле...

Пока в моей голове роились разные мысли, лицо Шумакова медленно вытягивалось, а в глазах появился злой блеск.

– Что-то не так? – тихо поинтересовалась я, когда Юра швырнул на стол трубку.

– Лавров у нас спихотехник, – зашипел любимый, – ему бы поскорее дело закрыть и руки умыть. Заявил сейчас: «Не лезь, куда не просят. Если защищать всех, кого перетрахал, жизни не хватит! Мне все уже ясно, именно Коврова траванула шефа – чего-то они там не поделили. Ну не рассчитала малек. Думала, начальник в одиночку кирнет, а тот с собой в чистилище бухгалтершу прихватил. Не марайся в этой истории, тебе не в плюс. Сиди тихо, не вякай. Я своих не сдаю. Знаешь, че Коврова сказала, когда ее задержали? «Я позвоню Юрию Шумакову, он мой гражданский муж. Я из ваших». Отлично, да? Ольга в больнице, авось не выживет. Тебя я выручу, а ты мне потом поможешь. Все путем. Не ищи геморроя на свою голову».

– Отличное выражение про геморрой и голову, – только и сумела сказать я.

Шумаков взорвался.

– Точно! У Лаврова вместо башки задница! Поэтому он так и сказанул! Мишка идиот, все это знают. И он Коврову утопит.

– Так помоги ей, – произнесла я.

Юра сморщил нос.

– Дело поручено Лаврову. На каком основании я-то полезу? Говорил уже, Мишка любит сразу разобраться. Чик, брык, и готово. Он мастер так все вывернуть, что любой судья ведется. Лаврова начальство обожает. Еще бы! У него лучший процент раскрываемости!

– А ваш шеф никогда не интересовался, каким образом Михаил нарабатывает сей процент? – вздохнула я.

Юра помрачнел.

– Если я проявлю активность, Мишка доложит о моих отношениях с Ольгой, и окажусь я в том месте, где на самом деле бывает геморрой.

– Ладно, – кивнула я, – пусть Олю осудят, если она, конечно, выживет после ранения. А тебе не жаль ее? Знаешь, как бы я поступила на месте Лаврова?

Шумаков начал барабанить пальцами по столу, а я продолжила:

– Сначала бы изучила офис на предмет бутылок. Параллельно основательно проверила биографии Антонины Михайловны и Ускова. Директор милый человек, он, вероятно, случайная жертва, а объект нападения бухгалтер.

Юра встал.

– Хорошо. Через некоторое время я сброшу тебе эсэмэской адрес Кирилловой, съезди к ней. А я займусь офисом.

Я не поверила своим ушам.

– Мы будем вдвоем вести расследование? Ты нарушишь инструкцию? Затеешь частное разбирательство?

Юра кашлянул.

– Вроде того. Извини, если тебе неприятно, но нас с Ольгой все же кое-что связывало, и ей сейчас действительно не на кого рассчитывать.

– Я совсем не ревнива, – поспешила я заверить Шумакова. – А ты демонстрируешь настоящий мужской характер.

– Что-то в этом деле не складывается, – протянул Юра. – Не хочу, чтобы Лавров сделал из Ольги козла отпущения. Если не захочешь мне помогать, то не надо!

Мне стало обидно.

– Вообще-то именно я настаивала на поисках настоящего убийцы.

Шумаков протянул мне руку.

– Работаем в паре?

Я кивнула, вложив в его ладонь свою.

– Да. Можешь на меня полностью рассчитывать.

Внезапно Юра помрачнел.

– Буду объективен. Если Ольга все же виновата, ей придется отвечать перед законом. Я не стану покрывать преступника, кем бы он мне ни приходился в прошлом или настоящем. Начнем плясать от печки. Проверим жертв.

Глава 7

Антонина Михайловна жила в обычной блочной девятиэтажке, которая оказалась зажатой между парочкой современных башен. Я поднялась в ободранном лифте на нужный этаж и нажала на звонок. Через пару минут стало понятно – дома никого нет. Решив так просто не сдаваться, я побеспокоила соседей.

Не успел мой палец вдавить коричневую пупочку, как давно не крашенная дверь распахнулась, и грубый голос громко произнес:

– Чего еще?

Я быстро оглядела крепко сбитую девицу, одетую в карикатурно узкую и неприлично короткую даже для домашней одежду. Она была в стрингах и в некоем подобии распашонки, вероятно, верхней части шелковой пижамы (нижнюю красавица забыла надеть), которая плохо сходилась на груди. Из пупка девицы торчала клипса в виде цветка, а волосы у нее были розово-голубого цвета.

– Чего тебе еще? – повторила хозяйка. – Не надоело шляться? Опять счетчики проверяете? Уже говорила: я снимаю двушку, дергайте за неуплату хозяина, он от меня сполна бабла имеет. Какие претензии?

– Не имею ни малейшего отношения к Мосэнерго, – миролюбиво ответила я. – Ваши счета за газ, телефон и коммунальные услуги находятся вне сферы моих интересов. Я пришла к Никите Кириллову, сыну Антонины Михайловны, а его нет. Не знаете, куда мог подеваться парень?

Если вы хотите узнать от соседей правду, начинайте издалека. Пусть девушка не знает, что на самом деле объект моего интереса – мать юноши.

– А что он натворил? – внезапно обрадовалась соседка. – Его посадили? Вы из милиции?

Я улыбнулась и уклонилась от прямого ответа на вопрос.

– Вашей догадливости можно позавидовать.

– Хочешь кофе? – неожиданно по-свойски предложила розово-голубая Мальвина.

– Не откажусь, – кивнула я.

Квартира соседки Кирилловой выглядела так, словно здесь час назад орудовала банда воров.

– Не обращай внимания, – бросила девушка, заметив мой изумленный взгляд, – вчера с концерта около пяти утра приехала, некогда было убирать.

Я посмотрела на лежащие посреди кухни туфли на головокружительной платформе и спросила:

– Ты, наверное, певица?

– Марина, – представилась соседка. – У меня свое шоу, танцы с элементами акробатики. Народ в экстазе! Выступления расписаны на полгода вперед, денег получаю лом. Черт!

Споткнувшись о небольшой кофр с косметикой, Марина едва удержалась на ногах, но не выронила кружку с кофе.

– Не все любят вести домашнее хозяйство, – вздохнула я, – найми помощницу.

Марина скорчила гримасу.

– Ей платить надо. Печенье будешь?

Я кивнула, открыла кухонный шкафчик, приговаривая:

– Точно помню, было оно у меня...

Мои глаза еще раз окинули кухню-столовую, тувельки с пятнадцатисантиметровой платформой, одежду в блестках, разноцветной кучкой лежавшую на табуретке. Я отхлебнула жидкий кофе. «Танцы с элементами акробатики» – это явно стриптиз. Марина пляшет в ночных клубах, но ее заработков не хватает на горничную.

– Никита Антонину придушил? – вдруг спросила она и плюхнула в центр стола жестяную коробку с дешевыми бисквитами.

Я вздрогнула.

– Придушил? Ты подозреваешь сына в убийстве матери? Почему?

Марина попыталась откусить печенье, не справилась с твердокаменным лакомством и принялась размачивать его в кофе, одновременно тараторя:

– Стены здесь бумажные. Сколько живу, столько они орут друг на друга. Каждое утро и вечер такие концерты закатывают! И всегда одно и то же. Антонина вопит: «Немедленно собирайся на занятия!» А сынишка ей в ответ матом. Сначала они визжат, затем мебелью швыряются. В конце концов мать парня выпихивает и сама уходит. И тут начинается самое интересное.

Марина захихикала, быстро проглотила размякшее печенье и продолжила:

– Только мадам за порог, Никитон через десять минут дома. Наверное, спать укладывается, потому что тихо становится. Затем к кадру девчонка приваливает. Около полудня от них травкой тянет – вентиляция здесь плохая, воздух между квартирами гоняет. Когда ко мне гости заглядывают, Антонина мигом в дверь колотит и орет: «Марина, прекратите курить! Если хотите дымить, отправляйтесь на балкон. Вся ваша вонь у меня!» Спрашивается, при чем тут я? Архитектор козел!

Я с интересом слушала эмоциональный рассказ Марины. Один раз она не выдержала и ответила соседке:

– Антонина Михайловна, не лезьте в мою жизнь!

И тут Кириллову понесло по кочкам, она стала свои принципы высказывать. Мол, все обязаны работать, а не развлекаться. Трудиться надо на благо общества, а не задом на сцене крутить. Марина проститутка и хамка. Ей, Кирилловой, в ее возрасте недосуг было плясать, она на «отлично» училась.

Марина выслушала скандалистку и сказала:

– Не тратьте зря запал, лучше за Никитой смотрите! Он у вас занятия прогуливает и травой балуется.

Кириллова обомлела:

– Врешь!

Марина ухмыльнулась.

– Можете проверить. Завтра не ходите на службу, а зайдите ко мне. Вам все станет ясно.

– Спасибо, – тихо поблагодарила Антонина Михайловна.

Во вторник бухгалтер притаилась на кухне у стриптизерши. Как на грех, Никита в тот день решил погудеть с размахом. Он не завалился, как обычно, на боковую, вернувшись домой после ухода матери, а сразу привел девчонку. Сначала Марина с изрядной долей злорадства наблюдала, как вытягивается лицо Антонины Михайловны. Бедную Кириллову парализовало от звуков и запахов, которые летели из ее квартиры. Никита и девчонка после баталии в постели закурили «козьи ножки» и начали обсуждать свои проблемы.

– Хорошая у тебя хата, – одобрила гостья.

– К ней мать прилагается, блин, – выразился юноша. – Надоела, сил нет!

– Че ты за мужик, бабу обломать не можешь? – заржала девчонка. – Вмазал бы ей пару разов, и все. Как получит по носу, спорить побоится.

– Просто мечтаю от нее избавиться, – откровенно признался Никита. – Вернусь домой и думаю: «Хоть бы мутер под машину попала! Или убил бы ее кто в темном углу!» Андрею из моего класса повезло. У него предки в машине с эстакады слетели.

– Ну хватит! – перебила его девушка. – Мы че, только о твоей мамаше говорить будем? Или другая программа намечается?

Довольно посмеиваясь, парочка ушла из кухни.

– Как хорошо слышно... – пролепетала Кириллова. – А ведь они не особенно громко разговаривали. Они там курят? Запах странный, не табачный.

– Это марихуана, – пожалала плечами Марина. – Сейчас травку купить легко. Вас на сигаретах переклинило? А то, что Никита мечтает о вашей смерти, не напрягло? Достали вы его своим воспитанием!

Антонина Михайловна горько вздохнула.

– Одна парня тяну, хочу из него человека сделать, хорошую профессию дать. А Никита неблагодарный, учиться не желает, по утрам на занятия его не добудишься. Все бы ему по ночам в клубах прыгать да на проституток у шеста любоваться... Хочу как лучше... А он сопротивляется. Вот положит в карман аттестат, пойдет в институт, устроится на службу, заработает авторитет, получит пост начальника, тогда может позволить себе небольшой загул. Но не в шестнадцать же лет!

Марине стало смешно.

– А когда? В стариковские тридцать пять? Вы сами-то в клубе бывали? Там редко дедулек с бабульками встретишь. На пенсии уже не до веселья станет, в молодости погулять надо. Вы не правы, долбежкой и зудежкой ничего не добьетесь. Человек должен сам собой распоряжаться. Оставьте Никиту в покое.

Антонина Михайловна пошла к двери. Но вдруг обернулась и сказала:

– Знаешь, Марина, ошибка, которую ты по глупости совершишь в молодости, может напомнить о себе в тот момент, когда уже сама о ней позабудешь. Живешь хорошо, вполне счастливо, а она в дверь стучит: «Здравствуй, Тоня, вот она я». И вся твоя судьба наперекосяк пойдет. Не хочу, чтобы Никита совершил подобную ошибку, и тебе желаю не делать глупостей. За них потом придется расплачиваться.

Закончив рассказ, Марина пошла к чайнику, а я спросила:

– Они перестали ругаться?

Хозяйка квартиры оперлась о кухонный стол.

– На время Антонина попритихла. Никита поступил в училище. А потом заново у них баталии пошли. Тема та же: мать про учебу голосила. И Никита дома ночевать перестал. Как вернется, у Кирилловых война орков с гномами. Пару раз я всерьез хотела ментов звать, до того они расходились. Антонина на Никиту орала, тот в ответ вопил. В конце концов по батареям народ стучать начинал. Тогда они громкость убавляли, но отношения продолжали выяснять. Но вот уже два дня тишина стоит. Кириллова на сына не нападает. Я решила, что тот снова спать не является. У соседей, словно в могиле, ни одного звука, и запахи никакие не ползут. Наверняка в их квартире пусто. А сейчас ты пришла. И что я могу подумать? Придушил сынок маму.

– Где учится Никита? – надела я на Марину.

Она ткнула пальцем в окно.

– Решил поближе к дому устроиться. На той стороне шоссе учебное заведение имеется. Лучший выбор для парня – медучилище. На сто девок два мужика. Говорю же, лучший выбор!

Я простилась со стриптизершей, перешла через дорогу и отправилась на поиски Никиты. В учебной части меня встретили любезно, а вот о студенте Кириллове заведующая Елена Константиновна высказалась без восторга.

– Сплошная головная боль от него! Прогульщик, лодырь, балбес, в голове одни гулянки. Сессии сдает на тройки, да и то их ему из жалости ставят. Отзывы по практике хуже некуда.

– Почему же Кириллова держат в училище? – удивилась я.

Елена Константиновна пригорюнилась.

– Распоряжение директора. Игорь Иванович велит брать мальчиков вне конкурса и приказывает их, несмотря ни на что, до выпускного дотягивать. Говорит: «У нас тут не женский

монастырь, надо, чтобы и парни в аудиториях сидели». Вот мы и мучаемся. Девочки у нас хорошие, многие нацелены на медвуз. А с юношами беда.

Елена Константиновна посмотрела на дверь и понизила голос:

– Уж извините, но мужской пол здесь – сущие отбросы. Не попали в хорошие институты, испугались армии и кинулись туда, куда стопроцентно примут и отсрочку дадут. По идее, наши студенты после трех лет обучения должны идти работать в больницу медсестрами и медбратьями. Тут есть некоторая хитрость: время обучения засчитывается как трудовой стаж, поэтому, поступая в профильный институт, бывшие наши воспитанники имеют льготы. Да, они теряют несколько годков, но потом, если, конечно, захотят, непременно станут врачами. Вот только мальчишки, похоже, здесь просто отсиживаются. Кое-кто, покинув нас, бежит в вузы совсем иной направленности, не имеющие ни малейшего отношения к лечению людей. Возьмем Ваню Рябинкина. Отсидел здесь на лекциях с сентября по июнь, и пожалуйста – прошел по конкурсу на экономический факультет МГУ. Зачем ему понадобилось наше училище? Требовалась тихая гавань, чтобы не забрали в казармы. Рябинкин с репетитором занимался и со второй попытки поступил в университет. И подобных ему много. Хотя бывают исключения. Например, Николай Пересветов. Поступил сюда от безнадёжности, увлекся хирургией, теперь...

Я бесцеремонно прервала Елену Константиновну:

– Вернемся к Никите Кириллову.

– Из него ничего не выйдет, – вынесла вердикт зав. учебной частью, – он прогульщик и лентяй.

– Кириллов сейчас на занятиях? – спросила я.

– Несколько дней не показывался, – ответила женщина.

– Заболел? – уточнила я.

– Понятия не имею, – скривилась Елена Константиновна. – Заявится, потребую справку, посмотрю, что бездельник врать будет.

– Мальчик не посещает лекций, а вы не забеспокоились, – укорила я ее.

Елена Константиновна возмутилась:

– Мальчик?! Еще скажите – малыш... Никита здоровенный лось, на две головы выше нас с вами! И ничего с ним не случилось. Ники Малышевой тоже нет. Думаю, они вместе гуляют.

– Малышева – девушка Никиты? – уцепилась я за кончик тоненькой ниточки.

Елена Константиновна издала булькающий звук. Вероятно, это был смех.

– Девушка? Вот уж неподходящее слово для Ники! Они с Никитой не разлей вода, что, впрочем, не мешает им ругаться. Совсем стыд потеряли – дней десять назад подрались в компьютерном классе, стол сломали. Теперь жду, когда их родители ущерб возместят. Впрочем, на Малышеву надежды нет, у нее мать – алкоголичка. А Кириллова – приличная женщина, но пока сюда не спешит. Правда, Антонина Михайловна сразу деньги предложила, но я ей ответила: «Спасибо, конечно, да я не имею права наличными брать. Езжайте в магазин и привезите мебель».

– У вас есть адрес Малышевой? – перебила я заведующую.

Елена Константиновна положила ладонь на мышку, перевела взгляд на монитор.

– Улица Радько, дом пятнадцать. Здесь рядом, идите мимо супермаркета, увидите там у двери бабу в зеленой шубе, можете познакомиться. Это Алла, мамаша Ники. Она в магазине полы моет, если, конечно, трезвая, а с пьяных глаз у порога топчется, выпрашивает на выпивку. Одного не понимаю – почему ее директор не гонит?

– Номер квартиры подскажите, – попросила я.

– Там барак, – поморщилась заведующая. – Сама я в гости к Малышевой не заглядывала, но предполагаю, что отдельных апартаментов в здании не сыщется, коридорная система.

На улице неожиданно оказалось солнечно, дождь закончился, сентябрь решил порадовать москвичей бабьим летом. Улица Радько начиналась сразу за училищем, и я решила пойти пешком. Пусть машина пока стоит у дома Кирилловой, мне полезно прогуляться. На пути, как и обещала Елена Константиновна, оказался супермаркет. Возле стеклянных дверей маячило существо, облаченное в наряд из шкуры убитого чебурашки, который перед смертью позеленел от неведомой болезни.

Я поднялась по ступенькам и спросила у потерявшего человеческий вид создания:

– Вы Малышева?

– Не помню, – затряслась пьяница. – Дай на пиво!

– Где Ника? – задала я следующий вопрос.

– Кто? – икнула алкоголичка.

– Ваша дочь, – уточнила я, – Вероника.

Заботливая мамаша подняла руку, черными ногтями поскребла макушку и изумилась:

– Дочка? Моя?

– Твоя, – подтвердила я, решив больше не «выкать» тетке.

– Чтой-то не припомню, – прохрипела та, – ваще из головы вымело. Недалеко я тут поселилась, за оврагом. Через лес надо перейти. Туда!

Я молча посмотрела в ту сторону, куда показала пьянчужка. Ни малейшего намека на лес в радиусе полукилометра не было и в помине. Автобусная остановка, ряд палаток с мелочовкой, дальше несколько двухэтажных домов.

Двери супермаркета раздвинулись, появилась черноволосая женщина с ведром и шваброй.

– Не пугай покупателей, Алла, – тихо сказала она. – Максим Львович рассердится. Ступай домой, пропись.

Малышева встряхнулась, словно облитая водой кошка, и заорала:

– Пошла вон! Стану я от чебуреков замечания слушать! Понаехали сюда из аулов... Я коренная москвичка, с пропиской. Максим Львович не меня, а тебя вон выставит. Хамло! Дай на пиво!

Последняя фраза адресовалась мне.

– Ничего не получишь, – отрезала я, – лучше послушай добрый совет: иди домой.

Алла шагнула в сторону, ударила ногой по ведру и завопила. Наверное, хулиганка надеялась, что емкость перевернется, но она почему-то даже не вздрогнула.

– Ой-ой-ой! – присела Малышева. – Я пальцы сломала! Щас пойду к Максиму Львовичу, расскажу, как на меня Курага Урюковна напала и ногу повредила! Нехай мне компенсацию платят! Тыщу рублей! Мало всем не покажется! Урою! Тебя, чебуречина, выпрут, денег не заплатят, – узнаешь, как на москвичей наезжать! Я не пьяная! На опохмел прошу с трезвых глаз!

Продолжая ругаться и твердо наступая на якобы поврежденную ступню, Алла влетела в магазин.

Глава 8

– Странно, что директор разрешает подобной нимфе разгуливать около супермаркета, – пробормотала я.

Уборщица оперлась о швабру.

– Нимфа? Скорей уж Алла козлоногий сатир или Бахус.

– Увлекаетесь древними легендами и мифами? – поразилась я.

Поломойка поправила платок.

– Считаете всех, кому не довелось родиться в Москве, идиотами? Или предпочитаете, как Алла, в отношении гастарбайтеров слово «чебурек»?

– Нет, я просто никак не ожидала услышать от вас про сатиров и Бахуса, – честно призналась я. – Вы филолог?

– Преподавала в институте древнюю литературу, – спокойно пояснила уборщица. – Я армянка, муж азербайджанец, жили мы неподалеку от Баку. В нашем городе много смешанных пар, никто о национальности не задумывался, а потом по телевизору кричать глупости стали. Свекровь на сына наехала: «Брось Ануш, она не нашей веры, найдем тебе мусульманку». Ибрагим с матерью поругался, и мы уехали в Ереван. А там совсем тихо, работы нет, в магазинах пусто. У нас двое детей, чем их кормить? Где учить? Ибрагим решил в Москву ехать, здесь у него родственник нашелся. Теперь муж на рынке, в овощной палатке работает. А я в супермаркете шваброй орудую. Дети в школу ходят. Нельзя на людей нападать, не от хорошей жизни мы на эмиграцию решились. Ибрагим дома в театре пел, у него хороший баритон, но в России его талант никому не нужен. Да и я как специалист по древней литературе тоже без надобности, своих хватает. Зато у вас полно вакансий чернорабочих. Чем Алла лучше нас? Мы не пьем, не курим, детей любим. Одна гордость у Малышевой – она москвичка. Только дочка ее постоянно голодной ходит.

– Вы знаете Нику? – обрадовалась я.

– Хорошая девочка, – кивнула Алла.

– В медучилище о ней плохо отзываются, – вздохнула я.

Ануш опустила швабру в ведро.

– Там ребят не любят. Ника нормальная, ее жизнь с пьяницей озлобила. Гордая она! Зашла она как-то в подсобку, Аллу искала, я как раз обедать села. Вижу, Ника слюну сглатывает, предложила ей: «Садись со мной, на двоих супа хватит. Попробуй, я сама варю, в термосе из дома приношу. Не сомневайся, свежая курятина». Понимаю, голодная она. А Ника в ответ: «Спасибо, тетя Ануш, я сыта». Какое там! Глаза правду выдали, и я настояла: «Не побрезгуй, угостись!» Так она одну ложку проглотила, поблагодарила и ушла. Не хотела, чтобы ее нищенкой считали. Да вот и сама Ника!

Я обернулась. По ступенькам поднималась худенькая девочка в джинсах и майке.

– Добрый день, тетя Ануш. Вы мою мать не видели? – спросила она.

– Внутри пошла, – ответила уборщица, – а тебя вот женщина ищет.

Ника вздрогнула, обхватила себя руками за плечи и выпалила:

– Я ничего не знаю!

Я ласково улыбнулась.

– Пока я ничего и не спрашивала.

Вероника покосилась на Ануш, старательно надраивавшую ступени.

– Давай отойдем, – предложила я. – Время обеденное, не хочешь перекусить? Я угощаю. Вон там кафе.

– Вы кто? – не пошла на контакт Ника и сама же ответила: – Елена Константиновна постаралась? Она давно твердит, что мою маму надо родительских прав лишить. Опоздали. Во

вторник я стану совершеннолетней, восемнадцать исполнится. И меня кормить не надо, у нас дома полный обед – суп, мясо и компот!

Выпалив это, девушка сжала кулачки и гордо выпрямила спину. В моей душе моментально проснулось воспоминание...

Вот четырнадцатилетняя Вилка бежит по школьному коридору и налетает на завуча Григория Петровича, которого дети да и некоторые учителя не любили от всей души. За манеру быстро и много говорить короткими фразами и за редкостную тупость педагог заработал кличку Барабан. Наша классная руководительница, молодая Наталья Карловна, бегала плакать в туалет после того, как Барабан с элегантной простотой сказал вслух: «Учительнице замуж никогда не выйти. Ну кому они нужны? Да и в нашей школе нет ни одной симпатичной!»

Барабан хватает меня за плечи, разворачивает и цедит:

– Тараканова? Куда летим, сломя мозг?

Мне не удастся скрыть радости:

– Домой, Григорий Петрович, нас отпустили.

– Домой? – повторяет Барабан. – И что тебя там ждет? Пьяная тетка! Ох, надо бы давно в отдел опеки сообщить, пусть вашей семьей займутся. Алкоголикам нельзя разрешать воспитывать детей, тебе будет лучше в интернате. Государство позаботится, хоть полноценно питаться станешь!

В советские годы из детей с тщанием взращивали патриотов. Я гордилась комсомольским значком и считала, что живу в лучшей стране на земном шаре. Но в нашу школу ходили на уроки одинаково одетые в коричневые пальто и обутые в темно-синие ботинки ребята из интерната. Больше всего на свете я боялась оказаться в их числе. А еще в душе бушевало негодование: по какому праву идиот Барабан осуждает Раису? Не так уж часто она напивается, всего раз десять в месяц. И не всегда до состояния камня. Кто его просит совать нос в чужую семью? К сожалению, я не могла высказать Барабану правду в лицо, поэтому, старательно изображая почтение, прошептала:

– Григорий Петрович, у нас дома борщ, котлеты и компот. Тетя Рая только что обед приготовила. Я побегу?

– Ступай, Тараканова, – кивнул Барабан. И бросил мне в спину отеческое напутствие: – Ох, предвижу твою судьбу печальную. Не выйдет из тебя толку! Умрешь под забором!

Мне стало так обидно! Аж до слез! И тут на помощь мне неожиданно пришел главный школьный хулиган Вася Кузьмин, который с любопытством подслушивал нашу беседу.

– Зато из вас, Григорий Петрович, вышел толк! – с несвойственным ему подобострастием воскликнул он.

Барабан, самодовольный болван, не почуяв подвоха, важно ответил:

– Да, Кузьмин, из меня вышел толк.

– Вышел... совсем весь, – нараспев произнес Вася, – а бестолочь осталась.

Я не дружила с Кузьминым, имела свою компанию, но в ту минуту чуть не бросилась мальчишке на шею с поцелуями...

– Вы мне теперь угрожать не сможете, – продолжала ничего не подозревавшая о моих мыслях Вероника. – До вторника потерплю, поговорю с вами, а потом имею полное право вас послать.

– Я ищу Кириллова, – мягко сказала я, – он не ходит в училище, и дома его нет.

Ника не стала любезнее.

– Я ему не сторож!

Я решила не обращать внимания на агрессивность девочки.

– Думала, вы друзья.

– Кто вам это сказал? – нахмурилась Малышева.

– Птичка напела, – улыбнулась я.

– Вот и сверните ей шею! – предложила Ника. – Чтоб в другой раз зря не чирикала. Я вобще с Кирилловым не общаюсь.

Девочка определенно не хотела продолжать разговор, но я постаралась продлить беседу.

– Почему? Он противный?

– Вам-то какое дело? Я не имею к Никите никакого отношения.

Я вздохнула.

– Жаль. Надеюсь, что ты подскажешь, как лучше донести до него ужасную новость. Впрочем, будет ли она для него шокирующей?

Ника снова обхватила себя за плечи и затряслась.

– Колешься? – не выдержала я. – Или нюхаешь волшебный порошок?

– Если я из небогатой семьи, значит непременно наркоманка? – еще пуще обозлилась Малышева. Но пояснила: – Просто холодно в одной футболке. И че за весть?

– Антонина Михайловна умерла, – сказала я. – По идее, Никите были обязаны сообщить, но, думаю, он пока не в курсе, что стал сиротой.

– Вау! – подпрыгнула Ника. – Тонька отвалила? Супер!

– Не принято так откровенно радоваться смерти другого человека, – не выдержала я. – Даже, на твой взгляд, противного.

– Вам и не представить, какая она была! – неожиданно разоткровенничалась Ника. – Что Никита ни сделает, все фигово. Ей ничего не нравилось. Орала на него, пощечины отвешивала. Красиво?

– Не очень, – признала я. – Но прояви хоть каплю сожаления.

Внезапно Ника попятилась.

– А как она померла? Упала и шею сломала? Или сердце отказало?

– Антонину Михайловну убили, – сказала я.

– Вау... – прошептала Ника. – Кто?

– Вот это я и пытаюсь выяснить, – ответила я.

– Вы из ментовки, да? – напугалась Ника. – Ничего не знаю.

– Давай пойдем выпьем кофе, – снова предложила я.

– Домой мне пора, – засуетилась Малышева. – Э... у меня... Короче, зачет скоро... по этой... ну... фармакологии, там латынь.

Последние слова девчонка договаривала, отведя глаза в сторону.

– Учеба – это главное, – кивнула я, – но, пожалуйста, если вдруг ты столкнешься с Никитой, попроси его позвонить. Вот моя визитка. Надо же сообщить Кириллову о смерти матери. Спасибо за помощь. Пойду дальше по делам.

С огромным трудом удерживаясь от желания обернуться, я зашла за супермаркет и через секунду очень осторожно высунулась из-за угла. Ануш старательно протирала большое окно, по ступенькам поднимался мужчина с маленьким мальчиком, а ярко-розовая футболка Ники мелькала уже на другой стороне дороги. Малышева спешила вовсе не в сторону родного барака.

Я помчалась за ней, держась поближе к домам и на ходу снимая ветровку. Курточка у меня волшебная, ее можно носить как на черную, так и на красную сторону. В момент разговора с Никой я была в ярком варианте, но сейчас сольюсь с толпой, одетой по-осеннему. Ветер пробежал по обнаженным рукам – под курткой у меня была лишь майка. Я побыстрее натянула верхнюю одежду. Да, Веронике Малышевой сейчас действительно холодно в футболке... Хотя, если учесть скорость, с которой девочка летит сквозь толпу, она давно вспотела.

Хлоп! Малышева буквально впрыгнула в подъезд. Я ринулась за ней, увидела за лифтом светлый проем, услышала новый хлопок и поняла: здесь есть «черный» выход. Мгновение понадобилось, чтобы выскочить во двор, плотно забитый машинами. Вдали маячили железные гаражи, покрашенные в темно-зеленый цвет. Ника, уцепившись руками за прутья, лезла через

забор, который высился вокруг небольшого двухэтажного здания из светлого кирпича. Будущая медсестра легко преодолела преграду и поспешила к ряду гаражей.

Я подлетела к ограде и увидела объявление «Детский сад № 8464/а. Родители! Прием детей строго до 8.00. Опоздавшие не пропускаются. Запрещено перешвыривать воспитанников младшей группы через забор и подсовывать под ворота. В случае нарушения правил пользования детсадом родители будут наказаны возвращением детей домой. Навсегда!»

На секунду я опешила. Следует ли понимать, что малышей старшего возраста можно «перешвыривать через забор и подсовывать под ворота»? Интересно было бы взглянуть на мать с отцом, которые способны проделать это с крошкой...

Ника исчезла из поля зрения, и я поторопилась преодолеть ограду. Благополучно пересекла территорию сада и вышла к гаражам. Ряд зеленых домиков упирался в высокую бетонную стену. Без альпинистского снаряжения ее не преодолеет даже гимнаст Немов. Оставалось лишь удивляться, как же отсюда выезжают машины? Автомобилю не перескочить через забор. Значит, где-то есть дорога, но я ее не вижу. Как, впрочем, и девочку. Ника, вероятно, зарулила в какой-то гараж.

Я медленно пошла вдоль железных стоек. На воротах висели огромные замки. Некоторые особенно рачительные хозяева укутали их в полиэтилен, другие надели на запоры разрезанные пластиковые бутылки. Наконец почти в самом конце я обнаружила гараж, дверь в который оказалась чуть приоткрыта.

Затаив дыхание, я втиснулась внутрь и тут же услышала взволнованный голос Ники.

– Никитос! Хорош дрыхнуть! Дурак, да? Тя найдут! Вставай, надо придумать, что говорить ментам. Ну, ваще, я не верила! Ты с ума сошел? Тебя посадят в тюрьму. Эй, Никит, давай. Ну Никита... Никита... Чем набухался? Хоть сядь. Никитаааа... А-а-а!

В последнем вопле прозвучал такой ужас, что я, забыв о необходимости прятаться, бросилась в глубь гаража. Машины в отсеке не оказалось, крик неся из-за плотной занавески, которая отделяла часть помещения. Я отдернула брезент и увидела некое подобие комнатухи. У стены стоял небольшой топчан, в углу громоздилась этажерка, на ней тускло горела лампа. Еще здесь было продранное кресло и маленький черно-белый телевизор «Юность», стоявший на сложенных кирпичах.

Ника визжала, закрыв лицо руками. Я обняла ее.

– Тише. Что тебя испугало?

Малышева ткнула пальцем в кучу скомканных одеял на импровизированной кровати.

– Он там!

Я подошла к топчану, чуть наклонилась и зажала рот рукой. На подушке без наволочки лежала голова парня. Туловище до подбородка прикрывало одеяло, из которого торчала серо-желтая вата. Я не судмедэксперт, но даже мне стало понятно: Никита мертв.

В сложной обстановке всегда должен найтись человек, который сохранит присутствие духа. Нику трясло в ознобе, и я скинула куртку, набросила ее девочке на плечи и укорила:

– Уже осень, надо потеплее одеваться.

– Мама вещи пропила, – клацая зубами, ответила девушка, – все за водку спустила.

Никита обещал, что скоро купит мне много-много всего. Ему деньги светили.

Малышева осеклась, потом неуверенно добавила:

– Он Антонину не убивал.

Я потащила Нику к выходу.

– Пошли.

– Куда? – растерянно спросила девочка.

– Выпьем горячего, – предложила я, вынимая мобильный.

– А Никита? – прошептала Ника. – Его нельзя здесь оставлять!

– Конечно, нет, – согласилась я, – уже звоню, куда следует. Сюда приедут специалисты, но им по пробкам тащиться около двух часов. Ты окончательно замерзнешь, еще заболеешь. Лучше посидим в тепле. Нас позовут, когда понадобится.

Ника вцепилась в мое плечо.

– Спасибо! Мне очень страшно. Вы в милиции каждый день такое видите, а я боюсь.

Когда мы сели за столик в кафе и Ника начала жадно есть горячий суп, я осторожно завела беседу.

– Вообще-то я не служу в уголовном розыске. Пишу детективные романы.

– Типа писательница? – поразила Малышева. – Я не люблю читать, лучше кинушку посмотреть, от книг у меня начинает голова болеть. И в них все плохо заканчивается.

– А Золушка? – возразила я. – С ней все хорошо вышло.

– Это сказка, – отрезала Ника. – Для маленьких и глупых. А в жизни все иначе. Как с Никитой. Я ему говорила: «Не будет хорошо». А он: «Не дрожи, футболисты не плачут. Нарублю баблосов, и мы с тобой поедem к черепахам».

– К черепахам? – удивилась я.

Малышева смущенно улыбнулась.

– Я передачу по телеку видела про остров, где живут гигантские черепахи, на них можно верхом кататься. У меня мечта там побывать.

– Где Никита собирался найти денег? – спросила я.

Ника вытерла нос рукой, потом взяла салфетку и промокнула пальцы.

– Ему один дядька обещал.

– Просто так? – удивилась я. – В подарок?

Малышева с хлюпаньем проглотила последнюю ложку супа.

– За услугу. Правду хотите узнать? Бесплатно не расскажу.

Мне оставалось лишь удивляться титанической крепости нервной системы собеседницы. Совсем недавно Ника кричала в гараже от ужаса, а сейчас, деловито загибая пальцы, перечисляла то, что хочет получить от меня за откровенность.

– С вас куртка, свитер, джинсы, рубашка, кроссовки и три тыщи рублей.

– Хорошо, – согласилась я, – ты это получишь. А теперь говори!

– Че, я похожа на дуру? – уставилась на меня девушка. – Кино видела? Там один мужик сказал: «Сначала деньги, потом табуретки».

– Стулья, – машинально поправила я.

– Да хоть диван! – захохотала Ника. – Важен принцип.

– Поблизости найдется магазин одежды? – вздохнула я.

– Целых три, – заверила Малышева. – Прямо у метро.

Глава 9

Довольная донельзя Ника переоделась прямо в павильоне, где торговали одеждой. Старые джинсы и розовую футболку ей уложили в пакет.

– Здорово! – откровенно радовалась она. – Теперь мне тепло. Пошли назад, в то кафе, я еще чаю попью, с пирожным. Когда мне из милости чего предлагают, не соглашусь взять, а если за работу, то можно побольше получить. Правильно? Вам надо правду узнать? Платите.

Я не хотела злить Малышеву, поэтому кивнула. Интересный у девочки характер. То, что предложено от чистого сердца, она отвергла, но чужую тайну хочет продать. И, похоже, смерть Никиты ее больше не волновала. С другой стороны, где Нике было научиться благородству, интеллигентности. И как освоить науку любви, если перед глазами пример мамы-алкоголички, которая без зазрения совести пропивает единственную осеннюю куртку дочери?

Ника съела три эклера, выпила чай и заявила:

– Начинаю рассказ. Все по-честному.

– Сделай одолжение, – кивнула я.

– Вы вещи не отнимете? – вдруг забеспокоилась девочка.

Мое терпение лопнуло.

– Найду и раздену тебя? И съеденный обед тоже заберу?

Малышева засмеялась:

– Навряд ли. Прикольно! Надо запомнить.

– Говори по сути, – приказала я.

Ника сложила руки на столе и неожиданно складно, почти литературным языком изложила свою историю.

Никита и Ника познакомились в училище. Третьего сентября они сели за одну парту, а пятого отметили пивом начало страстной любви. Алле Малышевой, занятой исключительно поисками очередной бутылки, было все равно, где и с кем гуляет дочь. Сначала парочка весело проводила время в комнатухе в бараке, но потом соседки возмутились. «Шлюха! – оралы они на Нику. – Вся в мать! Мужиков водишь! У нас здесь один сортир на всех! Заразы нам не надо!»

Переспорить разъяренных теток девочка не пыталась, ей запросто могли надавать оплеух. Пришлось искать другое пристанище. Никита живо сообразил, что мама целыми днями на работе, и привел Малышеву к себе.

По сравнению с девятью метрами барака скромная двушка бухгалтерши показалась Веронике дворцом. У Никиты была своя комната, на двери которой висела табличка «Дуракам не беспокоить». Ванная, туалет и кухня тоже предназначались для пользования членов одной семьи. Ника размечталась, как уйдет от Аллы, выйдет замуж за Никиту, будет королевой принимать душ, не слыша стука в дверь и воплей: «Малышева, ты тут не одна! Вылезай, другим тоже мыться надо!»

В ее мечтах не нашлось места для Антонины Михайловны. А та озверела, когда поняла, что сын, вместо того чтобы посещать занятия, приводит в дом любовницу. Как только Кириллова не обзывала подругу сына! Никита в первый момент даже растерялся – он и не предполагал, что мама знакома с матерной лексикой. Правда, парень быстро пришел в себя и дал родительнице отпор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.